

ТРЕТЬЯ САФЕРА 2

✂ “РЕЙДЕРЫ ПЛЕЙСТОЦЕНА” ✂



АНТОН ИГОРЕВИЧ ВОЛИН

АНТОН ВОЛИН

Третья Сфера 2
"Рейдеры Плейстоцена"

«Автор»

2026

Волин А. И.

Третья Сфера 2 "Рейдеры Плейстоцена" / А. И. Волин —
«Автор», 2026

Видар и Николай — физики из 2060 года, участвовавшие в крупном научном проекте и оказавшиеся в далёком прошлом. Они сумели выжить в эпохе плейстоцена, построили собственное поселение и нашли общий язык с древними людьми. Но выжить — ещё не значит обеспечить будущее. Теперь им предстоит отправиться в далёкий путь на поиски новых злаков и растений, от которых может зависеть судьба их маленькой общины. Впереди — неизвестные земли, другие племена, новые опасности и вопросы, на которые им ещё только предстоит найти ответы.

© Волин А. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть 1 У края нового мира	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	49
Глава 6	56
Глава 7	63
Часть 2 Племя Яркого Пламени	68
Глава 1	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Антон Волин

Третья Сфера 2 "Рейдеры Плейстоцена"

Глава

Copyright © Антон Игоревич Волин

Часть 1 У края нового мира

Глава 1

Среда, 3 августа 2061 года, 18:30 (GET)

$\Delta T + 407$ дней

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

Видар обречённо сидел на земле, в правой руке он всё ещё сжимал молоток. Николай стоял рядом и был в полной растерянности. Первый шквал осознания, озарения и прочих чувств сошёл. Он понимал, что нужно как-то идти с этим знанием дальше. Но Видар отошёл всё-таки раньше него.

— Был тяжёлый день, Колья, — сказал он по-русски с характерным мягким акцентом.

Потом, перейдя снова на английский, продолжил:

— Нам нужно сосредоточиться на повседневных делах и приготовлениях к зиме.

— Как-то ты легко отошёл от всего. Неужели тебя не пугает грядущее?

— Пугает... И если что-то прилетит нам на голову... Нам лучше находиться в другом месте.

— Я серьёзно...

Николай присел на корточки рядом с ним.

— Давай всё-таки подведём итог и развеём все возможные непонятки.

— Давай, только я сначала поднимусь. Можем не торопясь говорить об этом по дороге к дому.

Видар по старой привычке перекатил корпус на 180 градусов и, оказавшись на коленках, медленно приподнялся.

— Хорошо, — начал Николай. — Я бы разделил то, что произошло в лаборатории, на два временных отрезка. Первый — это секунды до создания причинно-временной связи, и второй — секунды после её создания.

— Разумно, — подтвердил Видар.

— Звиад зашёл в комнату отдыха. В этом виноват я. Я никогда не опаздывал раньше на тренировку и никогда не забывал ему сообщать, если что-то менялось.

— Нет, Николай, даже не думай винить в этом себя. Виноваты мы все!

Николай отвернулся и прикрыл глаза рукой.

— Эх... Звиад...

Через несколько секунд он всё же собрался с мыслями и продолжил.

— В общем, Звиад зашёл в комнату отдыха за несколько секунд до регистрации пространственно-временной привязки. Он нас не видел из-за свойства стекла, которое было прозрачным только в одну сторону. Мы все были поглощены работой и сосредоточены на пространственных энергоконтурах на наших экранах. Марына его заметила и первая отреагировала. Она оставила своё рабочее место и побежала в комнату отдыха, чтобы отвести его от опасной зоны. Она не отключила свою систему контроля эксперимента...

— Извини, что прерываю, — встрял в монолог Николая Видар. — Но нужно сказать, что Марына была единственным из нас кто быстро среагировал.. Мы были более растеряны. Нельзя её обвинять в том, что она не отключила свою систему. Отключение происходит не мгновенно. Марына это знала и должна была принять сложное решение в стрессовой ситуации. Рискнуть, прерывая эксперимент, или рискнуть, чтобы утащить твоего друга из опасной зоны.

— О чём ты, у меня и в мыслях не было её обвинять. И вообще... Этьен стоял на входе и должен был следить за движением снаружи. Мы с тобой уже не раз об этом говорили... Для меня остаётся загадкой, как он мог пропустить Звиада.

— Рано или поздно мы и в этом разберёмся... — выдохнул Видар.

Они шли вниз, и дорога казалась лёгкой.

— В общем, она побежала спасать Звиада. У тебя было управление системой, ты пытался остановить эксперимент, но не успел из-за конфликта в системе, и причинная связь стала формироваться... Ты не смог остановить процесс и врубил аварийное отключение питания... Было это до или после 16.40.00?

— Ну, время шло линейно. Во всяком случае, в течение пяти секунд... Потом мы очухались уже тут.

— Да, но когда ты нажал на аварийку — до или после?

— Палец нажимал до... В интервале одной секунды до 16.40.00... Только вот когда на самом деле «что-то произошло», я сказать не могу.

— От этого зависит жизнь человека...

— Звиад мёртв, мы все видели, как его начало разрывать. Его тело взбухло..

— Нет, прекрати! Не надо это говорить снова, хорошо..?

— Хорошо, извини.

Николай собравшись с мыслями продолжил..

— Из-за конфликта в системе возникла перегрузка... Ты говорил, что на экране высветилось сообщение о более чем 26 миллиардах итераций..?

— Да, немного больше.

— Да, и в этот момент расход энергии буквально взорвался... Я думал, ещё чуть-чуть — и расплавятся все кабели... В общем, мы подходим к самому важному. Как мы уже прикидывали раньше, 26 миллиардов временных отрезков по 20 минут приблизительно соответствует миллиону лет. Если допустить, что мы попали в своеобразное пространственное колесо и со скоростью цепной реакции энергии переместилась... с отрезка на отрезок... и это произошло и много раз и почти мгновенно, так ведь?

— Ну, примерно так. —согласился Видар. — Важно подчеркнуть, что это было совершенно другое перемещение. Оно уже никак не было связано с перемещением камня. Это перемещение запустилось сразу, без таймера.

— Да, и мы, к сожалению, не знаем точного момента его запуска... Часы могли переноситься вместе с нами. То, что всё вокруг тряслось и сверкало в течение пяти секунд... не даёт нам конкретной временной точки для старта процесса перемещения. Но этот расход энергии... Мне кажется, что мы просто должны были взорваться.

— Верно. Это если представлять, что мы перенеслись в одночасье вместе с лабораторией. Объём перемещаемого пространства, безусловно, требовал большей энергии... Но не настолько, чтобы перегрелись все провода и распределители.

— Как, недостаточно? Это же гигантский прыжок во времени.

— Да, но всё было, скорее всего, так, как мы решили в последний раз.

— Это как? Что-то я не припоминаю...

— Ты только что это сам повторил...Мы не перемещались на миллион лет назад. Это была серия перемещений. Множественная цепь свыше 29 миллиардов перемещений по 20 минут в каждом. Энергия для каждого из этих двадцатиминутных перемещений в прошлое с данным объёмом, как мы знаем, имажинарная, берётся в долг из пространства-времени. На её месте возникает отрицательная энергия, которая ждёт прихода фактической энергии...

— Да, это так работает. Мы это прекрасно знаем. Что ты конкретно хочешь сказать..?

— То, что расход энергии хоть и был большим, но исключительно для коротких временных перемещений.. 29 миллиардов последовательных перемещений по 20 минут, в каждом из которых взятая в займы энергия компенсировалась пришедшей энергией.

— По аналогии с тем, как перемещаются дырки и электроны...

— Ну нет... Или окей, если ты о движении и если совсем грубо сравнивать. Дырка перемещается за счёт перехода каждого нового электрона на её бывшее место... Но ладно... у нас тут совсем другая ситуация и другие метафоры...

— В общем, — Видар задумался. — Каким-то образом был нарушен объём переносимого пространства...

Видар сделал паузу и Николай продолжил.

— И всё-таки не должны были так нагреться провода и распределители. Ядро новое, лучшее. Наша лаборатория должна была выдерживать подобные перегрузки...

— Не забывай про сверхинтеллект. Его перегрузили...

Тут уже пришло время Николаю не согласиться.

— Сверхинтеллект невозможно перегрузить. Он анализирует вселенские колебания и умнее всего человечества вместе взятого...

— Николай, я, конечно же, имел в виду перегрузку ИИ-клетки, в которой находился сверхинтеллект. Она состоит из тысяч ИИ, каждый из которых отвечает за отдельный маленький процесс. Это мы их перегрузили...

— Да, конечно... Я просто привык когда выражаются чётко и точно.

— Хорошо. Буду внимателен в следующий раз... — отмахнулся Видар и продолжил: — В общем, что-то произошло в этой длинной цепочке перемещений. И у меня есть такая гипотеза.

Николай с интересом посмотрел на него.

— При каждом перемещении расчёт пространства может быть не идеальным, а при таком количестве общий центр переносимого объекта как бы растягивается в пространстве и времени... И как только перенеслась первая в цепочке сфера, центр которой оказался за пределами объёма сферы первого перемещения, произошло фрагментирование!

Николай поднял брови.

— Но как... у всех этих трёх сфер были же разные объёмы?

— Ты в полном праве ставить под вопрос мою гипотезу. Как так получилось, что 29 миллиардов пространств соединились во фрагменты в конечном пункте, я пока не могу сказать. Но...

Видар остановился и облокотился на дерево.

— ...но при этом пространственно-временная привязка всей области сохранилась.

— Но тут как раз-таки всё понятно... Это space-lock field, — заключил Николай. — Всё вместе должно оказаться в одной и той же точке назначения...

— Да, но произошёл сдвиг перемещаемой области в точке отправки после каждого перемещения в серии, а также большой сдвиг в точке назначения. И вдобавок сдвиг во времени в точке назначения.

Николай переваривал сказанное Видаром и строил свои догадки.

— А та фрагментация, про которую ты говоришь, Видар... это, в свою очередь, получается просто распределение всей энергии на пространственно-временном контуре? На стабильные части..?

— Да, примерно так я это тоже понимаю... — кивнул Видар. — Странно только то, что первая сфера, та, что была шаром вождя, вышла какой-то слишком маленькой... Есть мысли по этому поводу?

— Только догадки... Может быть, у всей области был своего рода центр тяжести или центр темпоральной инерции... и он вылетел за пределы на таком долгом пути...?

Видар неоднозначно посмотрел на друга.

— Вот это уже звучит ещё более фантастично... — Он перевёл взгляд в сторону дома. — Но кто знает... многое из того, что когда-то казалось выдумкой, с развитием науки и техники стало реальностью.

Они уже подошли к дому, возле которого стояла Амавоса и смотрела в их сторону. Видар, помедлив, проговорил:

— Представляешь, сколько прорывных открытий будет сделано, когда мы во всём разберёмся...

Николай был рад оптимизму друга и, кивнув в ответ, сказал:

— Открытий будет немало... Научный мир ждут большие перемены!

Уже около дома Амавоса жестами спросила, хотят ли они есть.

— Прямо в точку! — довольно улыбнулся Видар. — Ты можешь показать ей, как готовить нашу похлёбку?

— Конечно, — улыбнулся Николай и жестом показал ей следовать за ним.

В горшочках на их складе хранились все необходимые ингредиенты в сушёном виде. Амавоса с интересом разглядывала их и внимательно следила за его жестами. Тема была простой, и они прекрасно справлялись без всяких художеств.

Николай не сомневался, что она с аккуратностью отнесётся к их запасам и что она прекрасно понимает, что использовать их нужно только для приготовления пищи, а не есть просто так. В её племени с этим был порядок, и с хозяйством она справлялась неплохо. К тому же то, что хранилось в горшочках возле дома, было лишь частью их запасов. Остальные находились в погребках возле лаборатории.

Через некоторое время они уже сидели у костра, и Николай объяснял ей, что похлёбку нужно помешивать. Она быстро поняла это. Логика приготовления почти ничем не отличалась от жарки мяса на вертеле. Пару раз она обожглась, но в целом была очень аккуратна.

Вскоре они уже втроём ели на свежем воздухе. Аромат похлёбки растекался вокруг. Температура слегка опустилась — примерно до одиннадцати градусов. Но было даже приятно не ощущать рядом привычной назойливой активности насекомых.

В какой-то момент выражение лица Видара изменилось. Он о чём-то задумался, а потом резко перевёл взгляд на Николая:

— Сколько у нас всего этих оранжевых защитных костюмов?

— В нашей лаборатории было пять — на нас и один запасной. Столько же мы нашли наверху. Если считать ещё три плотных комбинезона снизу и несколько более простых, то их нам хватит надолго.

— Простых — это каких?

— Ну, тех, более тонких, с капюшонами.

— А, тех... Понятно. Их можно не считать. Тогда получается десять защитных костюмов и три плотных комбинезона. Все оранжевого цвета?

— Да. А что это ты про них заговорил?

— Думаю, они могли бы стать нашей характерной особенностью.

— В смысле?

— Ну, нашей формой, нашим цветом... Цветом, характерным для нашего племени, — улыбнулся Видар.

— Ох, как интересно! Звучит очень даже складно. Но всё-таки почему ты сейчас о них спросил?

— Ну завтра мы пойдём на встречу с вождём для обмена...

— Ну да, и..?

— И... — сделал паузу Видар, подняв вверх палец — жест, изрядно поднадоевший Николаю. — Мы подойдём к границе... и будем при этом иметь чёткие атрибуты другого племени!

— Потрясающе... Я всё понял! Ты хочешь надеть один из этих защитных костюмов на неё...

При этом он глазами показал в сторону Амавосы. Во время разговоров между собой друзья старались никак не выдавать предмет беседы, но на этот раз жест Николая не ускользнул от женщины-эректуса. Она настороженно посмотрела на них и произнесла:

— А-ма-во-са.

Николай поспешил сгладить ситуацию. Показывая жестами на суп, он как мог старался объяснить, что он им нравится, и хотел узнать, понравился ли он ей.

После недолгого перерыва они продолжили беседу. Николай согласно кивнул:

— Ну хорошо, в другой ситуации я, наверное, подумал бы, что это чрезмерная показуха. Но в нашем случае это был бы неплохой маркер.

— Да. Ну и есть немалая вероятность того, что одежда всё-таки сыграет свою роль и кто-нибудь из членов племени тоже захочет себе такую и, возможно, перейдёт на нашу сторону.

— А-а, вот куда ты клонишь... — на лице Николая появилась улыбка. — Может, так и будет, но тут я немного скептик. У них есть шкуры, а их недооценивать нельзя. Они гораздо естественнее для тела, чем вся эта синтетика.

— Верно, верно. И тем не менее я думаю о том, как мы её нарядим. Наша эректус выше других женщин своего племени. Думаю, ей вполне придётся впору тот комбинезон, что был рассчитан на Марыну.

— Да... он ей должен подойти.. Слушай, а тебя не смущает тот факт, что она до сих пор ничего не спрашивает о нас?

— Немного. Но в этом есть своя логика. Она видит то, что видит. Зачем ей знать почему существуют такие вещи, как наш дом, наша одежда, наши инструменты.. Да и вообще — кусты, жучки, камни, отпечатки, отложения, солнце на небе... Для неё всё это неоспоримые факты. Это просто есть.

— Хочешь сказать, ей не интересно узнать, откуда взялись все эти странные вещи?

— Нет, ей должно быть интересно. Но, наверное, не в такой степени, как мы думаем. К тому же мы ещё самитолком ни в чём не разобрались. Мы ещё не понимаем культуру её племени должным образом. Может быть, у них просто не принято задавать такие вопросы...

— Вот и проверим! Предложим ей надеть костюмчик и посмотрим, спросит ли она, откуда он у нас.

— Проверим! Только, пожалуйста, не сегодня. Завтра, перед выходом.

— Конечно завтра. Я тоже уже устал.

Видар и Николай стали собираться и жестами показали Амавосе, что расходятся спать.

Утро выдалось прохладным. Над лугом, как всегда, висел лёгкий туман, а трава серебрилась от росы. Солнце только начинало подниматься над верхушками сосен, окрашивая небо в бледно-золотистые тона.

Видар проснулся первым, как это случалось почти всегда. Он просыпался в одно и то же время без будильника. Было ощущение, что он думал о своих посадках даже во сне. Он тихо выбрался из дома, стараясь не разбудить Николая, быстро умылся холодной водой из глиняного

жбана, переоделся, сделал короткую разминку и уверенно зашагал вверх по склону в сторону лаборатории.

Утренний воздух приятно бодрил. Над лугом, как всегда в это время, висел лёгкий туман. На нём были резиновые сапоги из защитного комплекта. Они мгновенно заблестели от накопившейся росы. Видар подумал:

«А вот и ещё один способ добывать воду... Что, если привязать к веткам деревьев какой-нибудь пакет? Или расстелить его прямо на траве? За ночь можно собрать немало влаги... Хотя вода для нас здесь не проблема... Но в другой местности, где нет рек и ручьёв, это было бы неплохой альтернативой».

Дорога была знакомой и давно протоптанной по самому удобному маршруту с плавным подъёмом. Спустя примерно час он уже был на месте.

Поднявшись наверх, он первым делом стянул защитные покрывала со своих тыкв и других растений. Потом присел и просто стал смотреть на грядки. За последние недели растения заметно окрепли. Особенно хорошо чувствовали себя тыквы. Широкие листья почти полностью закрывали землю, а между ними уже лежали тяжёлые зелёные плоды.

— Ах, как же они тут хорошо растут... Главное — солнце и полив... — тихо пробормотал он.

С прошлой тыквы он получил около семидесяти семян. Здесь он посадил около двадцати ещё весной, позднее примерно столько же внизу у реки, а затем ещё возле их дома. Логичнее было бы полностью перенести посадки к дому. Но участок возле лаборатории находился высоко на склоне и был гораздо лучше защищён от вредителей, насекомых и птиц.

Работы с посадками было много. Николай нередко брал один из походов наверх на себя. Впрочем, две такие прогулки в день не были чем-то запредельным, и Видар вполне с этим справлялся.

Не все семена проросли. Многие погибли после повреждения листьев. Но всё же большая часть всходила. Здесь росло около восемнадцати тыкв. Ещё двенадцать — возле дома, и семь — возле реки. Именно тот участок чаще всего подвергался нападениям птиц и мелких животных.

Он уже представлял, сколько клетчатки и углеводов они получат осенью, и мечтательно улыбался.

Он проверил состояние стеблей, убрал засохшие листья и немного разрыхлил землю вокруг корней. Закончив работу, он ещё раз удовлетворённо осмотрел грядки.

«Эту зиму мы переживём!»

Закончив с грядками, Видар зашёл на склад. Недолго думая, вытащил из кофра ярко-оранжевый защитный костюм небольшого размера — тот, что когда-то предназначался для Марыны. Затем выбрал пару резиновых сапог поменьше и понёс всё вниз.

Когда он вернулся к дому, Николай уже разводил костёр, а Амавосу сидела неподалёку и внимательно наблюдала за ним.

— Доброе утро, — улыбнулся Николай.

— Доброе.

Видар положил вещи перед женщиной.

Амавосу вопросительно посмотрела сначала на одежду, затем на него. Видар коснулся рукой своей груди, затем указал на Николая, после чего — на Амавосу и жестами попытался объяснить, что теперь она одна из них. А значит, будет носить такую же оранжевую одежду.

Амавосу внимательно смотрела на него и медленно, неуверенно ответила жестом согласия.

И вдруг она указала пальцем на оранжевый комбинезон и впервые за всё время сама задала вопрос, который друзья истолковали как:

— Кто?

Оба одновременно посмотрели друг на друга.

Амавоса снова коснулась ткани.

— Кто?

Они пытались объяснить жестами, но их оказалось недостаточно. Взяв в руки прутик, Амавоса стала рисовать на земле что-то похожее на четвероногое животное, затем показала на одежду.

До Николая дошло первым.

— Она спрашивает... от какого зверя эта одежда.

Видар удивлённо улыбнулся.

— Значит, ей действительно интересно...

Чтобы окончательно убедиться, Николай тоже взял прутик. Он нарисовал на земле силуэт человека, затем рядом — силуэт большого зверя и указал на комбинезон.

Амавоса жестом согласия и повторением вопроса подтвердила его догадку.

— Да... Кто?

Николай уже собирался объяснить жестами, что это очень далёкое животное или вообще неизвестный зверь, которого она никогда не видела. Но тут Видар остановил его.

— Не стоит сейчас ничего придумывать. Ей не нужно настолько сложное объяснение.

Он стал объяснять жестами примерно следующее:

«Мы нашли много таких».

Показал рукой вниз, затем широко развёл ладони.

«Не знаем... кто».

Амавоса несколько секунд смотрела на одежду, после чего, похоже, приняла объяснение Видара.

Затем она совершенно спокойно начала раздеваться. Николай мгновенно отвернулся. Видар тоже поспешил отвести взгляд.

— Похоже, у них с этим всё гораздо проще. Никакого стеснения.

Через несколько секунд послышалось недовольное сопение. Амавоса пыталась надеть комбинезон... через голову. Она просунула голову в одну из штанин и вскоре окончательно запуталась внутри плотной ткани. Из оранжевого мешка торчала только одна рука.

Николай едва сдерживал смех.

— Ей надо помочь...

Видар отрицательно покачал головой.

— Тогда тебе придётся подойти к ней вплотную, а она голая.

Николай немного подумал и ответил:

— Необязательно подходить к ней.

В следующие секунды он привлёк её внимание, снял свою рубашку, взял собственный защитный костюм и неторопливо показал весь порядок действий: сначала ноги, потом руки, затем застёжка.

Амавоса внимательно наблюдала за каждым его движением. Подробного показа оказалось достаточно.

Она выбралась из своей ловушки, повторила всё в той же последовательности и уже через минуту была одета в оранжевый комбинезон и куртку.

Она даже расправила рукава и застегнула молнию точно так же, как это сделал Николай.

Друзья удивились тому, как легко она справилась с бегунком молнии, но почти сразу вспомнили, что язычок уже был вставлен заранее и ей оставалось лишь потянуть его вверх.

— Потом покажем ей и это, — довольно сказал Видар.

Оставались сапоги.

К удивлению друзей, никаких объяснений не понадобилось.

Амавосо сразу поняла их назначение. Сначала попыталась надеть левый сапог на правую ногу, но потом внимательно посмотрела сначала на сапоги, затем на свои ноги и быстро догадалась, что перепутала их.

Выбрав правильно, она натянула оба сапога и поднялась.

Она слегка покачивалась, и создавалось впечатление, что ей трудно удерживать равновесие.

Сделала один шаг.

Потом второй.

Если друзья правильно понимали её выражение лица, то обувь ей явно не нравилась.

На третьем шагу она потеряла равновесие, зацепилась носком за небольшой камень и едва не упала, успев выставить руки вперёд.

Несколько секунд она неподвижно стояла, потом решительно села и сняла оба сапога.

— Всё, — рассмеялся Николай. — Не стоит её мучить.

— Согласен, — кивнул Видар. — Она всю жизнь ходила босиком. Посмотри, какая у неё кожа на ступнях.

Они невольно задумались.

— Интересно... — произнёс Николай. — А зимой они тоже босиком ходят?

— Не знаю... Если и ходят, значит, у них есть какой-то способ переносить холод. Разберёмся позже.

Показав жестами Амавосо, что сапоги можно не надевать, они стали собираться в путь.

Каждый взял по большому глиняному сосуду для обмена. Николай убрал свой в рюкзак, рядом аккуратно разместил разобрannую волокушу — если обмен состоится, она понадобится, чтобы притащить мясо обратно.

Вскоре все трое уже шагали по знакомой тропе к условленной границе, где их должен был ждать вождь соседнего племени.

Глава 2

Четверг, 4 августа 2061 года, 11:50 (GET)

$\Delta T + 408$ дней

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

До границы с территорией племени эректусов они добрались ближе к полудню.

Ещё издалека Николай заметил несколько неподвижных силуэтов.

— Нас уже ждут, — тихо сказал он.

Уже можно было различить семь силуэтов, три из которых принадлежали детям. По мере приближения фигуры людей-эректусов становились всё отчётливее. Возле границы стояли старик, старая женщина, женщина с седой прядью волос, первый охотник и дети.

— Остальные, наверное, заняты своими делами, — предположил Видар.

— Да, скорее всего, так и есть. Эти трое — те, для кого мы несём сосуды, и с ними один охотник... А дети здесь просто потому, что у них пока нет обязанностей.

Когда они подошли к границе, то сразу заметили, как изменились выражения лиц гоминидов. Всё внимание было приковано к Амавосе. Старик смотрел задумчиво. Пожилая женщина что-то говорила женщине с седой прядью, и обе поглядывали на Амавосу с явным осуждением. Дети долго разглядывали её, чуть ли не раскрыв рты.

Потом Амавоса подошла к ним поближе и, не пересекая границы, обняла каждого по очереди. Они общались жестами, и, судя по всему, она объясняла, что такая одежда принята в её новом племени. Дети с интересом трогали и ощупывали разные детали комбинезона.

Первый охотник тоже долго рассматривал ярко-оранжевую одежду, а потом задал тот же вопрос, который совсем недавно задала Амавоса:

— Кто?

Амавоса повторила ему то же объяснение, которое незадолго до этого получила сама. Видар при этом едва заметно улыбнулся.

Она показала рукой вниз, широко развела ладони и пожала плечами.

«Нашли.»

«Не знаем.»

Охотник несколько секунд смотрел на неё, после чего, похоже, принял такой ответ.

Николай задумался, почему их собственная одежда раньше не вызывала такого интереса. Наверное, сыграло роль то, что комбинезон Амавосы был совершенно новым и ярко сиял в

лучах солнца. Их же костюмы уже заметно потускнели и местами успели износиться. А может, им просто было трудно совместить привычный образ Амавосы с этим нарядом.

Когда интерес к новой одежде немного угас, Николай поднял один из глиняных сосудов и протянул его старику. Тот внимательно осмотрел сосуд, несколько раз постучал по стенке костяшками пальцев и удовлетворённо произнёс:

— О... О...

Женщины сделали то же самое со своими сосудами.

Далее старик, Нгокогоба, сделал короткий знак охотнику. Тот сразу удалился в сторону деревьев. Наверное, он должен был принести тушу зверя для обмена.

Пока его не было, Амавоса спокойно сидела вместе с детьми. Они о чём-то оживлённо разговаривали, иногда смеялись, а она что-то объясняла им жестами. Видар, Николай, Нгокогоба и две женщины просто сидели молча, изредка переговариваясь друг с другом.

— Надо бы условиться о следующей встрече. Через месяц, — негромко напомнил Видар.

— Да, — согласился Николай. — Но давай сначала дождёмся, принесут ли они мясо.

Охотник вернулся спустя несколько минут. На плечах он нёс огромную половину туши какого-то крупного животного — то ли молодого оленя, то ли антилопы. Подойдя к границе, он без лишних слов сбросил мясо прямо на волокушу.

Мяса было очень много.

Николай даже замер.

«Вот это да...»

По его мнению, обмен получился очень удачным, и он уже хотел показать жестом, что пора расходиться. Но тут вмешался Видар.

Он неожиданно шагнул вперёд и осторожно подошёл к старику. Затем показал жест «рисовать» и, вооружившись прутиком, стал что-то объяснять.

Он быстро нарисовал стадо животных, затем обвёл одно из них, пририсовал его отдельно вместе с копьями, насаженными на толстую жердь. Потом провёл линию и разделил животное пополам. После этого указал на три глиняных сосуда, перечеркнул два из них и сделал жест, словно возвращая их обратно через границу.

Старик несколько секунд смотрел на рисунок, но явно не понимал.

Тогда вперёд вышла Амавоса. Она уже гораздо лучше понимала Видара и Николая. Она тоже стала показывать на мясо и что-то объяснять Нгокогобе. После её объяснений выражение лица старика изменилось.

Он понял. И тут же попытался что-то возразить. В ответ Видар снова нарисовал целого зверя и несколько раз уверенно повторил жестами:

«Целый. Целый. Вчера. Уговор. Здесь.»

Сам старик понимал его ещё не очень хорошо, зато Амавосо без труда улавливала смысл и словно переводила его объяснения.

Нгокогоба задумался.

Через несколько секунд он повернулся к охотнику и что-то показал жестами. Тот ответил довольно резко, энергично размахивая руками. Казалось, он был не согласен и возражал.

Тогда старик произнёс своё привычное:

— Нго...!

После этого охотник спорить не стал и снова ушёл. Через несколько минут он вернулся со второй половиной туши и положил её рядом с первой.

Видар ликовал. Он старался не показывать этого, но чувство победы буквально читалось на его лице. Он указал на обе половины, затем снова изобразил целое животное и поднял вверх три пальца.

«Да. Целое. Три сосуда. Для тебя, для неё и для неё.»

Теперь всё сходилось.

Старик подтвердил это жестом согласия.

Когда обмен был окончательно завершён и люди-эректусы уже собирались уходить, Николай снова обратился к старейшине и принялся рисовать.

Он нарисовал реку, линию горизонта и Луну в её нынешней фазе, затем указал на небо. После этого изобразил, как меняется форма Луны. Жестами показал, что проходят дни, и когда Луна снова станет такой же, они придут сюда.

Старик, кажется, понял.

Но потом сделал лёгкий отрицательный жест, одновременно показывая на сосуды и мясо.

Похоже, он хотел сказать, что больше сосудов им не нужно и мяса тоже больше нет.

Николай на мгновение замешкался, затем снова указал на Луну, потом на границу.

«Они пока не знают, что им понадобится. Но мы можем хотя бы сказать, что будем здесь через месяц», — подумал он.

Амавоса снова подключилась и помогла объяснить смысл. Старик понял и после небольшой паузы подтвердил жестом согласия, при этом неожиданно упомянув О-Нго-Ву-Ко — высокого охотника.

— Похоже, в следующий раз тот высокий тоже придёт, — тихо сказал Николай Видару.

— Пусть приходит, — усмехнулся Видар. — Нам-то что? Может, ещё больше мяса принесут. Ох, заживём мы теперь.

Закончив разговор, вождь племени гоминидов сделал знак, что они уходят, и все четверо развернулись. Дети не спешили уходить, на что женщина с седой прядью прикрикнула на них, и они тут же засеменили следом.

Обмен был завершён и люди-эректусы скрылись среди деревьев, Николай и Видар ещё несколько секунд молча смотрели им вслед, а потом почти одновременно оба перевели взгляд на волокушу.

На ней лежали обе половины туши. Огромное количество мяса. На вскидку кг 100. Из этого должно по прикидкам выйти 50-60 кг чистого мяса и 10-15 кг жира.. Жир был очень важен. Именно он делал эту добычу настоящим богатством. Вторая часть туши была вместе с головой, отрубить её пока было нечем.

— Это просто праздник на весь месяц, столько еды...! — восхищённо сказал Николай.

Амавоса в это время просто стояла рядом и смотрела на мужчин, ожидая от них решения. Было ощущение, что она не разделяет их радости. Это насторожило Видара. Он задумался и потом видимо о чем-то, догадавшись сказал:

— А ведь у нас теперь проблема.

— Какая?

— Пять километров вдоль реки. Потом ещё подъём вверх... И всё это время запах мяса.

Николай сразу понял, о чём речь.

— Да... Такое количество свежего мяса любой зверь почувствует.

Амавоса тоже внимательно смотрела на тушу. Она не понимала слов, но, судя по выражению лиц друзей, почувствовала, что возникла новая задача.

— Сначала накроем, — сказал Видар.

Они изначально планировали накрыть мясо чтобы оно не испортилось на солнце и взяли с собой плотное покрывало и тщательно укутали обе половины туши. Николай затянул его верёвками так, чтобы наружу почти ничего не выступало.

— От солнца защитит, но запах это не уберёт, — заметил он.

— Не уберёт, но теперь кровь не будет капать на землю и мух станет меньше.

Видар вдруг остановился и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Огонь!

— Что?

— Нам нужен дым.

Видар нёс с собой небольшой рюкзачек с едой и глиняными приборами. В нём были также три обожженных миски. Он достал две из них и поставил на волокушу спереди и сзади от груза.

— Если зверь учует мясо, то одновременно учует и людей. А люди это в том числе запах костра. Если мы будем пахнуть и громко говорить, это может отпугнуть хищников..

Они развели небольшой костёр, дождались появления хороших углей и засыпали часть из них в две небольшие обожжённые глиняные миски. На дно насыпали немного песка, сверху положили угли, а затем прикрыли их влажной травой и кусочками коры. Почти сразу вверх потянулись две тонкие струйки сизого дыма.

— Одну впереди, другую сзади, — сказал Видар.

Николай молча кивнул. Потом достал из рюкзака аэрозольный баллон.

— А если ещё этим побрызгать?

Видар посмотрел на баллон несколько секунд с определенной долей скепсиса.

— Не знаю, поможет ли. Но хуже, думаю, не будет.

Николай слегка обработал покрывало, после чего убрал баллон обратно.

— Ну что... теперь хотя бы сделали всё, что могли.

— Сейчас день, хищники не так активны в это время, должно всё получиться.

Волокушу развернули вдоль тропы. Видар взялся за одну оглоблю, Николай — за другую. Амавосо сразу поняла свою задачу. Она пошла позади и стала следить за тем чтобы туша не смещалась и не тёрлась о землю на кочках.

Первые километры вдоль реки дались относительно легко. Тропа была почти ровной, хотя вес ощущался постоянно. Несколько раз друзья менялись положением рук, ненадолго останавливались перевести дыхание и проверить, не погасли ли угли. Время от времени Видар подбрасывал в миски немного влажной травы, и дым снова становился гуще.

До своей небольшой хижины у подножия склона они добрались без происшествий.

— Передохнём минут десять, — тяжело выдохнул Николай.

Они поставили миски на землю, проверили мясо. Всё было в порядке. У Видара было также несколько пластиковых бутылок с водой. Пить хотелось. Но доставать их перед Амавосой он не решался.

— Что думаешь, Николай, она поверит, если мы скажем, что просто нашли их и не знаем, от какого они животного..?

— Не знаю... А-а, доставай! Рано или поздно она всё равно бы их увидела.

Видар вытащил три пластиковые поллитровые бутылочки и с пафосом протянул одну из них Амавose:

— Боттл! Боттл! — поднимая свой указательный палец вверх, он произносил английское название бутылки.

— Бо-онг... Бо... онг... — пыталась произнести Амавоса.

— Окей, пусть будет Бонг, — улыбнулся физик и продолжил демонстрацию.

— Смотри, Бонг... так... ПИТЬ.

Слово «пить» он точно знал, как передать жестами — как напрямую, так и на языке жестов Амавосы. Она понимала. Но самым сложным оказалась крышка.

Видар педагогически взял свою бутылку одной рукой, выдвинул её вперёд и медленным движением показал, как он складывает пальцы на ней и потом поворачивает пластиковую крышку.

Сами движения не вызывали сложности у женщины-эректуса, скорее сложной оказалась последовательность действий. Но она внимательно смотрела, крутанула крышку точно так же, как сделал Видар, и потянула вверх. Крышка крепко сидела.

«Ещё раз», — сделал знак жестами Видар.

Она повторила движения, и когда крышка уже сидела совсем неплотно, он показал движение вверх, а потом поднёс бутылку к губам, показывая, что нужно пить.

Она повторила. И у неё получилось.

Она скорее высасывала воду из бутылки, но это не имело большого значения. Потом он показал, что надо закрыть бутылку. Она крутила крышку в ту же сторону, и ему пришлось показать ей, что нужно крутить в обратную сторону.

В общем, для первого раза было неплохо. Он положил бутылку в карман её комбинезона и как мог объяснил, что она её.

— Интересно... — задумчиво смотря на всё это, произнёс Николай, — она не спросила, откуда мы её взяли.

— Конечно, — уверенно ответил Видар. — Она сразу поняла, что мы нашли её там же, где и костюмы.

Николай улыбнулся. Да уж, логика в этом была.

Они продолжили свой путь. Их ожидала самая сложная часть — подъём. Они шли вверх по своей тропе. Волокуша стала тяжёлой и неудобной ношей, она постоянно норовила съехать назад, а груз — вывалиться. Видар и Николай тянули её изо всех сил, шаг за шагом преодолевая подъём. Амавоса шла позади и придерживала груз, не позволяя ему смещаться, а когда деревянные полозья волокуши упирались в камни, она подталкивала её вперёд, чем существенно облегчала усилия мужчин.

Несколько раз они останавливались, чтобы отдышаться. Дым всё ещё поднимался над двумя маленькими мисками, сопровождая их почти всю дорогу.

Когда наконец впереди показался дом на лугу, Николай устало улыбнулся.

— Всё... Дотащили.

Видар медленно опустил оглобли на землю, вытер со лба пот и посмотрел на огромную тушу.

— Теперь начинается самая важная работа.

Он понимал, что сохранить такое количество мяса будет ничуть не легче, чем донести его сюда.

Видар и Николай сначала решили обезглавить тушу. Голова животного была достаточно тяжёлой и занимала много места. Для этого они использовали свои самодельные каменные топоры. Николай хотел было выкинуть её в яму для отходов, но вмешалась Амавоса. Она догадалась по движениям Николая, что он собирался сделать, и, подойдя к нему, указала пальцем на голову парнокопытного и сказала:

— А-Ма-Во-Са.

Она назвала своё имя-занятие не очень громко, при этом сопровождая его какими-то движениями.

— Это? — спросил Николай.

Она подтвердила знаком согласия.

«Ей зачем-то нужна эта голова...»

— Дай ей эту голову. Она не в первый раз занимается разделкой, — сказал Видар.

Николай чуть-чуть колебался, но всё-таки передал голову ей.

Она положила её около своей хижины, достала свои рубило и чопперы и показала на тушу животного.

— А-Ма-Во-Са.

Всё было понятно: она хочет заняться снятием шкуры. Николай показал жестом, что она может приступить, и подтвердил это, произнеся её имя. Она приступила к работе. Николай участливо помогал. Периодически она его останавливала, негромко произнося своё имя. Наверное, он что-то делал не так. Возможно, он слишком быстро резал. В руках у Николая был нож, и Амавосо не могла его не заметить. Но она ничего не спросила. Она просто показывала, куда и как нужно давить и что делать.

Амавосо держала острый камень ровно и аккуратно вела лезвием по телу животного. Она буквально пальцами нащупывала, где отходит соединительная ткань, и словно чувствовала животное.

Через некоторое время, когда шкура была снята, она снова произнесла своё имя и отошла к хижине, где лежала голова. Взяв большой камень двумя руками, она стремительным движением ударила по голове. Черепная коробка треснула. Её дальнейшие действия немного прояснили ситуацию. Она собиралась извлечь мозг животного...

— Пусть занимается шкурой и головой, а мы займёмся мясом. Надо торопиться, оно может испортиться, — нарушил возникшую тишину Видар.

— Да, давай. Вырезаем куски для складирования в погреб, кое-какие — на сушку и в копильню... Из костей сварим суп... и жир... Ох, работы тут будет...

— Да, мы устали. Но медлить нельзя. Всё сделать за сегодня не успеем. Но предварительная обработка необходима, чтобы не дать мясу испортиться. То, что не успеем обработать, сложим в погреб как есть. Завтра закончим.

К вечеру основная работа с мясом и жиром была закончена. Они успели обработать только часть туши. Лучшие куски сложили отдельно, часть мяса оставили для приготовления пищи на ближайшие дни, остальное подготовили для сушки и копчения.

Жи́ра было много. Они растопили большую часть на огне и аккуратно разлили его в керамические сосуды.

Видар смотрел на застывающий жир в керамических сосудах и задумался.

«Если его так много... может быть, его можно использовать не только для еды... Хранится он долго... По-моему, его можно как-то использовать».

Он подумал о пластиковых ёмкостях, оставшихся от их прежнего мира.

«А если попробовать сохранить мясо внутри? Что будет, если залить его жиром?.. Хм... не знаю... не уверен... Вот бы прочитать об этом...»

Он расстроено выдохнул.

«Может, Николай что-то знает... Спрошу у него потом...».

Он сам не знал, почему эта мысль пришла ему в голову. Просто видел: дым сохраняет мясо. Холод сохраняет мясо. Жир закрывает его от воздуха. Может быть, этого будет достаточно.

Амавосу всё это время занималась своей работой. Она очистила шкуру при помощи скребка и вернулась к голове животного. Когда она расколола череп и достала мозг, мужчины сначала не поняли, зачем ей это нужно. Она не собиралась просто есть его.

Амавосу смешала мозг с водой и начала втирать эту массу в очищенную кожу. Она делала это долго и тщательно, разминая шкуру руками. Потом снова растягивала её, снова втирала состав, не позволяя ей затвердеть.

К друзьям пришло понимание: голова была нужна ей не только из-за пищи. Мозг был частью её работы.

Шкура, снятая с животного, ещё не была готовым материалом. Её нужно было сделать пригодной для использования, сделать мягкой.

— Она знает, что делает, — констатировал Николай.

Друзья продолжали заниматься своим делом. За день они обработали больше половины туши. Оставшуюся часть они перенесли в погреб, туда же сложили и обработанное мясо.

— Завтра продолжим, — сказал Видар.

Все трое сильно устали. Но день не прошёл зря. У них теперь было мясо. Много мяса. Усталость накатывала с огромной силой. Перекусив ароматным бульоном, они развесили заготовки в копильне.

Для копчения они, ничуть не сомневаясь, использовали хижину Амавосы. Ей постелили рядом, в пристройке перед домом, там, где они обычно принимали душ и умывались.

Николай хотел постелить ей рядом с ними внутри дома. Но Видар был против:

— Пока не время. Мы до сих пор точно не знаем, почему она перешла к нам. Надо узнать её получше.

По всей округе разносились дым и запах мяса. Друзья не знали, как именно поведут себя дикие животные. Запах дыма и свежего мяса мог привлечь хищников.

Но они надеялись, что дым перебьёт остальные запахи.

Сил совсем не осталось. Подперев вход в своё жилище и пристройку Амавосы, они буквально рухнули на лежанки и почти сразу уснули.

Глава 3

Пятница, 5 августа 2061 года, 10:40 (GET)

$\Delta T + 409$ дней

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

Утром они проснулись позже обычного.

Накопившаяся за последние дни усталость дала о себе знать. Особенно после вчерашней работы с тушей. Но когда Николай вышел из дома и увидел развешанное мясо, дым, поднимающийся над коптильней, и керамические сосуды с застывшим жиром, он невольно улыбнулся.

Амавосо не спала и уже разогревала вчерашнюю похлёбку в котелке. Пользоваться тряпками как прихватками не вызвало у неё никаких затруднений: в её племени для этого использовали шкурки. Сама же она всю занималась обработкой шкуры.

Увидев Николая, она тихо произнесла сначала своё имя, потом указала на горшок с варевом и сделала знак: «Есть».

Николай с довольным выражением лица сделал ей знак, что всё хорошо. Слово благодарности «Спасибо» они пока не ввели. Но этого было достаточно.

Он не хотел есть и решил пока размяться и осмотреть результат работы коптильни.

Мяса было много, и оно было готово.

— Всё-таки получилось, — тихо сказал он.

Видар тем временем тоже проснулся и подошёл к Николаю. Он был доволен результатом.

— Да. И это, пожалуй, самое важное, что мы сделали за последнее время.

Он посмотрел в сторону погреба. Там лежало мясо, которое они ещё не успели обработать.

— Давай слегка перекусим, а потом сложим копчёное мясо в тряпки и перенесём в погреб. Расслабляться пока нельзя. Этот здоровенный кусок тоже надо обработать.

Николай кивнул.

Они снова взялись за работу.

Оставшуюся часть туши они достали из погреба и продолжили разделку. Теперь движения были уже привычными. Они знали, какие куски оставить свежими, какие отправить на сушку, какие — в коптильню.

Амавосо продолжала заниматься шкурой и не обращала внимания на мужчин. Она снова растягивала кожу, проверяла её руками, разминала жёсткие участки. Иногда добавляла воду, снова втирала состав и продолжала работать.

Николай изредка поглядывал в её сторону. Вчера они не поняли, зачем ей понадобилась голова животного. Сейчас всё стало понятно. Она использовала жирный мозг животного, чтобы обработать шкуру.

— Да, — негромко проговорил он, — она действительно знает, что делает.

Видар просто кивнул, соглашаясь с этим.

К середине дня работа была закончена. Они обработали всю тушу, которую могли обработать в данный момент. Часть мяса была приготовлена, часть высушивалась, часть коптилась. Жир был сохранен в керамических сосудах.

В погребе теперь лежал настоящий запас еды. По их расчетам, этого с лихвой должно было хватить на месяц для троих людей. И не просто хватить, а так, что они смогут наесться сполна каждый день.

Видар еще раз осмотрел все вокруг и, повернувшись к Николаю, сказал:

— Хорошо. Все как надо. Теперь у нас есть то самое время.

Николай понял, что он имел в виду. Их планы наконец-то попытаться зарядить смарт-часы и сделать несколько важных запросов. Они переоделись и засобирались.

Перед выходом они еще раз проверили коптильню и погреб. Затем собрали необходимые вещи. Амавосо отвлеклась от своего занятия и внимательно наблюдала за ними.

Она уже привыкла к тому, что люди иногда уходили куда-то, возвращались с новыми предметами и начинали делать непонятные вещи.

Николай изобразил уточняющие знаки:

«Мы двое. Уходим туда, где табу для нее. Вернемся. Ждать. Делать свое занятие» и, получив подтверждение, повернулся уже к Видару и решительно сказал:

— Идем.

Они начали подниматься к лаборатории. К этому времени солнце уже прошло середину неба и стояло высоко. Они надеялись, что этого света хватит, чтобы создать достаточное напряжение для зарядки часов.

Возле лаборатории они сразу приступили к делу. Видар в спешке освободил свои саженьцы от прикрывающих их одеял. Полил их. Николай тем временем принёс всё необходимое вниз. Провода, ножик, набор отверток, настенные часы на солнечной батарее и свои севшие смарт-часы. Разложив всё на подстилке из полиэтиленового пакетика, он достал из взятой папки заранее подготовленный чертеж. Видар поспешил к нему присоединиться.

Сошкурив изоляционное покрытие с концов проводков и соединив их к основному модулю устройства, они направили солнечную панельку перпендикулярно солнечным лучам. Надежно закрепив всю конструкцию на земле, они стали ждать.

Часы не просыпались.

— Ах, мы не можем продолжать здесь сидеть, давай пойдём проверим рыбу. С этим ничего не случится, погода безветренная сегодня.

Николай согласился, и они направились проверять рыбу. Две рыбины были уже достаточно толстыми. Но вытаскивать их они даже не подумали. У них столько мяса сейчас. А рыба им и так изрядно надоела за всё время.

Они вернулись к установке и, к их радости, увидели, что маленькая встроенная лампочка под часиками светила красным. Заряд шёл, но медленно.

Они приступили к подготовке запросов. Вытащив заранее подготовленные листы, они обсуждали детали и содержание запросов, так чтобы результат можно было как можно быстрее записать. Их интересовала информация по приручению и одомашниванию тягловых животных. Туров и предков коров, географическая информация, о теоретической возможности экспедиций к Черному морю и к Средиземному. Информация о возможности нахождения полезных растений на территории современного Леванта. Климат и природа должны были сильно отличаться в это время от той, которая была в их времени. Также их интересовало практическое устройство дистилляционного аппарата для перегонки спирта и из какого сырья в их условиях это можно было сделать. Им нужен был прежде всего технический спирт для хозяйственных целей. Но Видар не оставлял идею о создании примитивных коктейлей Молотова из глиняных кругляшей с целью обороны от полчищ диких племен, которые они могут встретить по дороге.

За размышлениями об этом прошел почти час. Лампочка под часами горела, но экран пока не включался. Николай нетерпеливо нажал кнопку вынужденного включения. Экран загорелся, и часы начали настраиваться, но в следующее мгновение снова потухли...

— Ах, досада! — расстроился он.

— Надо оставить их заряжаться часа два-три... — сказал Видар. — Предлагаю выпить кофе внутри.

Они поднялись и, затопив свою печку, начали готовку бодрящего напитка.

— Думаю, не стоит их трогать три часа. Если повезет, удастся выжать какой-нибудь процент зарядки... Было бы очень жалко, если сегодня у нас ничего не получится.

— Да, понимаю я. Условия не идеальны, заряжается медленно...

После кофейной паузы они нашли себе занятие, перебирая свои вещи.

— Думаю, для Амавосы нужно всё сделать как и у нас, — говорил Видар. — Кровать. Подушки, одеяло. Приучить её принимать душ по утрам. Воду она любит. Но она должна перенимать наш стиль жизни. И наша модель должна выглядеть привлекательной для членов её племени. Они должны добровольно захотеть уйти от старика и перейти под руководство современных людей.

— Думаешь, они захотят?

— Конечно! Этот дед их использует в хвост и в гриву.

— А мы разве делаем не то же самое с ней. Она делает то же самое у нас, что делала у них.

— Ну мы — это другое, мы современные люди, и наши задачи имеют конкретный смысл.

— Имеют. Но для нас. Не для них.

Они продолжали перекидываться мелкими фразами и перебирали вещи, откладывая то, что думали взять с собой. Незаметно прошло около двух часов.

Они собрали рюкзаки и вышли из здания лаборатории. В этот раз экран часов слегка светился, и датчик питания показывал 2 %.

— О, то что нужно! Давай сюда наши запросы! — быстро скомандовал Николай.

Часы включились. Приложение с оффлайн ИИ высветило интерфейс на уже заранее приготовленный кусок полимерной плёнки. Николай уверенными движениями делал запросы, Видар конспектировал.

Они работали в привычном темпе. Когда заряд часов истёк и экран погас, они отложили свою самодельную установку и принялись обсуждать полученные результаты. Николай быстро пролистывал записи Видара, переписывая что-то в свои, выбирая, на его взгляд, самое важное. Видар также переписывал свои записи.

Один из запросов касался возможности одомашнивания тягловых животных. Попытки приручить взрослых туров отпадали, как и выведение подходящих пород — времени на это не было. Из всевозможных советов наиболее реальным казалось выращивание телят с первых месяцев жизни при постоянном контакте с человеком. Их дикие предки могли бы подойти, но выбирать нужно было бы наиболее спокойных особей. Далеко не все животные для этого годились.

ИИ говорил, что целесообразно использовать кастрированных быков. Сама мысль о такой операции вызывала отторжение как у Видара, так и у Николая. Использовать телят-тёлок тоже можно было бы, но тут были как преимущества, так и недостатки. Взрослые коровы могли давать молоко, но не были такими же сильными и спокойными, как быки, прошедшие вышеуказанную операцию.

Для перевозки даже небольших грузов в двести–четыре килограмма в их условиях рекомендовалось использовать двух животных. Такой расклад не казался им особо эффективным. А при наличии только одного животного?.. Они начинали понимать, почему ИИ дал именно рекомендацию использовать именно кастрированного быка.

Следующий запрос касался повозки. Друзья хотели как-то использовать имеющееся колесо от современного автомобиля. Оно было вместе со встроенным подшипником, и одно это решало сразу кучу проблем. Николай и Видар думали использовать его как основное несущее колесо, добавив по бокам два или четыре небольших деревянных колеса, которые выполняли бы скорее функцию поддержки, чем полноценного движения. По аналогии с дополнительными боковыми колёсиками на детских велосипедах.

Воздух в колесе был ограничен и мог просто закончиться в долгом походе. ИИ предлагал различные сценарии решения этой проблемы. Но они были сложными, а необходимых мате-

риалов у них не было. Николаю пришла в голову идея, что доступным им сырьём может быть древесная стружка.

Видар подскочил и сказал, что идея гениальна и что они, скорее всего, смогут использовать смолу для закрепления нового содержимого внутри колёсной резины.

Следующий запрос касался смолы: как её добывать, как собирать и какие существуют нюансы этого процесса.

Далее они изучали процесс перегонки из сырья. Они примерно прикинули, как и из чего смогут сделать подобный аппарат. На этот случай у них было достаточно металлической жести, а также имелись настоящие стальные кастрюли.

Для производства этанола из доступного они могли использовать только плоды тыквы и лесные ягоды. Этого сырья было мало, и оно не могло дать им достаточного количества спирта для их планов. Впрочем, для изготовления горючих смесей вполне годился ядовитый для употребления метанол. Его можно было получить из доступной им древесной стружки.

Состав взрывной смеси ИИ не выдавал в целях безопасности. Но физики и так понимали, что соотношение должно было быть в пользу спирта. Это давало возможность смоле достаточно прогреться и загореться.

Видар также поторопился сделать запрос по поводу изготовления простых факелов. На вопрос Николая, зачем это нужно, ведь они не шляются по ночам, он сказал, что это будет очередным маркером их племени.

Устройство факела было простым: горела та же смола. Она впитывалась предварительно в кусок ткани или мха, в их случае лучше было использовать последнее. Мох можно было крепко и надёжно закрепить в углублении факела, чтобы тот держался и не разваливался.

Спирт был нужен только для быстрого зажигания. Вместо него могло использоваться и масло. В этом случае требовалось бы просто дольше держать его над огнём. Но масла у них пока не было.

Последняя подборка касалась экспедиции.

Расчёт расстояний показал, что путешествие к северо-восточной Африке потребует прохождения примерно шести–десяти тысяч километров в обе стороны. В существующих условиях подобная экспедиция признавалась практически невыполнимой.

Экспедиция через Анатолию к восточному побережью Средиземного моря была значительно короче и выглядела более реалистичной. Регион являлся естественным ареалом многих культурных растений и их диких предков. Наибольший интерес представляли маслины, инжир, миндаль, бобовые культуры, а также разнообразные лекарственные и пряные растения.

Они перебирали и переписывали всё важное из того, что узнали.

— Африку пока вычёркиваем, — наконец сказал Николай.

— Да. Сначала юг. Анатолия. Средиземное море. Если вообще решимся, то только туда, — прокомментировал Видар.

— Но что ж... У нас поставлены новые задачи как минимум на пару лет. Осталось только идти к цели.

— И мы к ней придём! — довольно улыбаясь, заключил Видар.

Взяв с собой записи, они спустились вниз к дому.

Амавосы не было. Шкуры лежали и были мягкими на ощупь. Около их обеденного места снаружи стояли две миски, накрытые крышками, как они ей показывали. Видар подошёл и поднял одну из них. В миске лежали мясо и варёные фрукты. Еда была горячеей.

— Она где-то тут недалеко.

— А-Ма-Во-Са! — крикнул Николай.

К счастью, почти сразу же раздался ответ из лесных зарослей.

— А-Ма-Во-Са. Бэй. Бэй.

«Бэй» было её вариантом английского слова «берри», то есть «ягоды». Их способ общения становился своего рода отдельным языком. Он был смесью жестов и слов из русского, шведского и английского языков, переделанных под произношение Амавосы.

— Ага, ягоды собирает, — констатировал Видар. — Какая она молодец. Мы можем поесть и сразу заняться своими делами. Сколько наших проблем она решила, Николай.

— Это точно, с ней нам стало намного легче.

Остаток этого дня и последующие дни физики полностью сконцентрировались на своих планах. Амавосо прекрасно справлялась с хозяйством. Она освоила как методы Николая и Видара, так и ввела свои. Их быт стал действительно проще. Видар даже доверил ей свои грядки. Те, что оставались внизу, и те у дома.

Внизу у реки они соорудили небольшое чучело из старой порванной одежды. Амавосо очень трудно было понять принцип отпугивания зверей. Она скорее смотрела заворуженно на это как на творение, искусство в своём роде. Кое-как она уловила принцип, но только тогда, когда заметила, что птицы действительно реагируют на него.

Участок у лаборатории и рыбная ферма пока оставались в ведении Видара. Друзья проводили там много времени днём. Простой самогонный аппарат они соорудили. Использовали кастрюлю, сделали железный конус с закрученными внутрь по нижним краям концами. Пары поднимались вверх, оседали на холодном металле внутри конуса и стекали вниз по его стенкам. В нижней части, где загнутые края образовывали небольшую желобчатую полость, собирался конденсат, а через небольшое отверстие он должен был вытекать наружу через импровизированный краник.

Для большей эффективности они собирались использовать пакеты с холодной водой вдоль него в качестве естественного холодильника. Брожение проводили в отдельном, уже глиняном сосуде. Они не стали делать змеевик. Такая конструкция требовала бы слишком точной работы и материалов, которых у них пока не было. Они обходились резиновыми перчатками, прикреплёнными к основному и двум дополнительным отверстиям в сосуде. Смесь была загерметизирована и успешно бродила. Когда перчатки надувались, они их сдували.

Что касается смолы, то они нашли несколько старых хвойных деревьев выше по склону с повреждённой корой. На стволах уже выступала смола, застывшая вокруг старых трещин. Как они уже успели понять, чтобы не губить деревья, достаточно было немного повредить кору, и деревья сами начинали выделять больше смолы.

Из аккуратно сделанных надрезов они собирали выделившуюся смолу в небольшие керамические сосуды. За несколько дней удалось накопить довольно много — несколько килограммов. Этого определённо должно было хватить для первых опытов.

Хранить её решили в тех же условиях, что и другие важные материалы. Сосуды плотно закрыли глиняными крышками и дополнительно замазали места соединения смолой. В погребе, где температура оставалась почти постоянной, смола могла спокойно ждать несколько месяцев до первых испытаний.

Стоит сказать, что у них, конечно же, не всё и не сразу получалось. Несколько раз они возвращались к своей установке, подзаряжая часики и задавая уточняющие вопросы. На это уходило полдня, и они старались прибегать к этому только в крайних случаях.

Первый продукт перегонки древесной стружки был сильно вонючим. Они также собирали и складировали его в заранее подготовленные сосуды. По уже заготовленному плану они вырезали специальные углубления в палках, которым суждено было стать факелами, и крепили мох крепкими жилами. Кое-где они использовали куски старой тряпицы.

Факелы получились на славу. Смола горела и дымилась, но выглядело это очень эффектно, особенно в момент их зажигания. Они макали кончик факела в миску со спиртом и потом подносили к костру. Факел ярко вспыхивал.

— Вот это произведёт на дикарей впечатление! — с довольной и немного хищной улыбкой проговаривал Видар.

Николай улыбался. Амавосу долго паялилась первый раз, когда увидела факелы. Но потом, показав ей весь процесс, она кое-как приняла это нововведение, и даже по достоинству оценила его в вечернее время. Теперь вокруг их жилища было светло по вечерам, и они даже могли подольше оставаться и общаться друг с другом.

Так проходили дни и недели. Вышеперечисленные части плана были успешно реализованы. Нововведения успешно внедрены. Общение с Амавосой значительно улучшилось. Они почти перестали прибегать к пруту и рисованию. В повседневности они уже вполне справлялись словами из нового лексикона и жестами из языка Амавосы.

Николай и Видар выучили много жестов из языка её бывшего племени. Они думали, что, наверное, смогли бы сейчас даже понять, о чём те говорят между собой. Язык был прост: понятия выражались отдельными словами без связок. Субъект, объект, действие. Время определялось конкретным событием. Счёта как такового не было. Количество воспринималось не как абстрактное число, а через устойчивые ассоциации.

Понятие года племя понимало благодаря ежегодному большому ритуалу вождя, который проводился в день самого длинного дня. Между такими днями проходили двенадцать обычных ритуалов, приуроченных к очередному лунному циклу. Каждый раз один из двенадцати взрослых членов племени по очереди зажигал свой ритуальный костёр.

Научить женщину-эректуса считать на пальцах пока не удавалось. Зато она хорошо понимала связь между двенадцатью взрослыми членами племени и двенадцатью лунными циклами, поэтому представление о годе у неё уже было.

Однажды, когда они занимались своими обычными делами, Видар невольно обратил внимание на Амавосу. Та перебирала собранные ягоды, время от времени откладывая испорченные в сторону. Работала она быстро и ловко, но почти каждые несколько секунд ей приходилось отвлекаться. Длинные волосы постоянно падали на лицо. Она сдувала их, убирала за ухо, встряхивала головой, но через мгновение всё повторялось снова.

Видар некоторое время молча наблюдал за ней.

— Слушай, — наконец сказал он Николаю. — Ты замечал, что ей всё время мешают волосы?

Николай поднял взгляд.

— Замечал. Но, похоже, она к этому привыкла.

— Привыкла... — задумчиво повторил Видар.

Он попытался вспомнить женщин из племени старика. Большинство носило волосы распущенными, но одна, уже немолодая женщина, кажется, собирала их кожаным ремешком. Тогда он не придавал этому значения. Теперь же подумал, что, возможно, это было вовсе не украшение, а просто удобное решение.

Он ещё раз посмотрел на Амавосу.

— Знаешь... А ведь нам тоже нужны свои отличительные признаки.

Николай усмехнулся.

— Мало тебе наших оранжевых костюмов?

— Костюм — это одежда. А я говорю о привычках. О мелочах. Именно из них потом рождаются традиции.

Не говоря больше ни слова, Видар подошёл к их вещам и принялся что-то искать.

— Ты чего потерял? — спросил Николай.

— Ничего. Наоборот, нашёл.

Он вытащил старую оранжевую защитную куртку Николая.

В первые недели после прибытия Николай однажды неудачно сорвался на крутом склоне. Удержаться он сумел, но спиной налетел на сухой обломок дерева. Толстая ветка расколола

ткань куртки почти через всю спину. Зашить её кое-как, наверное, можно было. Но поскольку таких курток у них было несколько, её решили пока просто отложить. С тех пор она лежала среди вещей, ожидая случая, когда материал ещё сможет пригодиться.

— Эй! — возмутился Николай. — Это же моя куртка!

— Наша, — спокойно ответил Видар. — Ты ей пользовался, но у меня для неё найдётся куда лучшее применение. Она создаст символы нашей культуры!

Николай широко раскрыл глаза, не веря тому, что только что услышал, а потом рассмеялся.

— Хорошо, отец-основатель нашей культуры, что у тебя опять за идея?

Видар проигнорировал эту подколку и продолжил:

— Из её материала мы сможем сделать небольшие вещи. Флажки, повязки... хорбанд..Как это по-русски?

— Повязка для волос?

— Да, эти вещи будут символизировать наше племя и станут прекрасным маркером, подчёркивающим привлекательность жизни в нашем обществе!

— Тебе не кажется, что ты переоцениваешь их значимость? Ты же тоже видел, что одна из женщин их племени пользовалась подобным приспособлением. Для них это не будет новостью.

— Чисто функционально, может быть, кто-то до этого и додумался. Только вот это надо ещё и уметь подать.

Видар сразу приступил к делу. Острым ножом, при помощи деревянной дощечки, он стал аккуратно вырезать полоски ткани. Затем сложил их вместе и стал сплетать, добавив для прочности пару тонких жил, оставшихся после разделки туши. Получился простой, но яркий ободок.

Закрепив его концы, он взял его и с важным видом подошёл к Амавосо.

Та с любопытством посмотрела сначала на него, потом на оранжевый ободок в его руках.

Видар жестами показал на её волосы, затем осторожно изобразил, как собирает их назад.

Амавосо сначала не поняла. Потом, немного подумав, спокойно позволила ему убрать волосы с лица и закрепить их новой лентой. Потом, посмотрев на него, она спросила:

— Амавосо... Ба?

Видар знал, что "Ба" на языке её бывшего племени означало старший или главный, поэтому поспешил развеять это, чтобы она не подумала ничего лишнего.

— Нет! — строго сказал он.

— Это - hårband, — сказал он по-шведски. — (шв. hårband — ободок, повязка для волос).

— Хабанг?

— Да, ханбанг. Его - носить. Значит — МЫ, наше племя, — и жестами подтвердил: — помогает держать волосы, и всё.

После чего он быстро вернулся, взял две полоски и сам нацепил себе одну вокруг головы, а потом попросил сделать это Николая.

— У них эта полоска что-то значила ещё, кроме того чтобы держать волосы, так ведь? — спросил Видар.

— Не знаю, может быть.

Амавосо всё ещё была удивлена и озадачена, но не слишком.

Николай, немного подумав, решил развеять опасения Видара по этому поводу.

— Зря ты так распереживался. Женщины, в чьём имени был слог «Ба», не имели власти над старшими мужчинами. Ну станет она главной над женщинами у нас. Ну и пусть, она и так одна.

— Ты, может быть, и прав в своих доводах, но у тебя неверная долгосрочная стратегия. Нельзя просто так что-то давать. «Ба» надо заслужить.

Амавосо осторожно трогала повязку пальцами, но через некоторое время вернулась к работе.

Прошло несколько минут. В какой-то момент Амавосо вдруг остановилась и удивлённо улыбнулась. Она заметила, что больше не приходится каждую минуту отбрасывать волосы с лица.

Она снова потрогала повязку, посмотрела в сторону друзей и сделала жест одобрения.

— Ну вот, — сказал Николай. — Ничего она о себе не подумала, ей понравилось твоё приспособление. Я бы на твоём месте переживал не за «ба», а за то, что она может истолковать это как-то лично.

Николай подмигнул Видару.

— На что ты намекаешь? — сказал тот, искренне не понимая намёка.

— Ухаживание.

— Ой нет, Николай, прекрати говорить такое. Она — эректус, а я человек.

— Ладно, не заводись, я шучу.

— И вообще главное другое, — ответил Видар. — У нас есть шанс продемонстрировать это удобство перед остальными членами племени, и другие тоже могут захотеть такие!

— Они сами могут сделать себе такое из шкур и жил.

— Но не такое красивое, плетёное, оранжевое, яркое.

— Ты всё-таки хочешь пробудить в них страсть к блестяшкам?

— Конечно. Мы не можем торговать только глиняными изделиями.

— И поэтому ты решил торговать кусками моей куртки.

— Скажешь тоже. Куртка порвана. И в данный момент у неё есть прекрасное предназначение. Потом, когда у нас появятся другие вещи, будем торговать ими. А пока надо с чего-то начинать.

Николай не был уверен, что план Видара сработает. Но он был согласен с тем, что именно с таких, на первый взгляд незначительных вещей начиналась любая культура.

Цивилизация — это не только орудия, дома и новые знания. Традиции тоже являются её частью, а они рождаются из привычек, символов и мелочей.

Август подходил к концу, и приближалось время, когда они должны были снова встретиться с племенем эректусов у границы.

Когда этот день наступил, они серьёзно к нему подготовились. Взяли волокушу, глиняные сосуды для обмена, а также факелы и пластиковые бутылочки с водой для демонстрации. Каждый надел свой «парадный» оранжевый защитный костюм, и, позавтракав, они решительно двинулись в сторону племени.

Глава 4

Пятница, 2 сентября 2061 года, 12:00 (GET)

$\Delta T + 437$ дней

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

К привычному месту возле границы они вышли где-то около полудня.

На этот раз их никто не встречал.

Николай остановился, внимательно осматривая берег и лесную полосу по ту сторону границы. Стояла такая тишина, что слышался лишь шелест листвы на ветру.

— Странно, — тихо сказал он.

Видар только улыбнулся.

— Нет. Они здесь.

— Думаешь?

— Уверен.

Видар снял с волокуши заранее приготовленный деревянный кол и тяжёлым камнем начал медленно забивать его в землю прямо возле условной границы. Затем закрепил сверху простую развилку — небольшую деревянную подставку.

Николай тем временем достал факел. Он молча поднёс его к маленькому глиняному сосуду с тлеющими углями. Смола быстро занялась. Пламя сначала робко дрогнуло, затем вспыхнуло ярче. Николай повернулся к Амавосо и протянул ей факел обеими руками. Амавосо поняла и приняла этот жест с неожиданной серьёзностью.

Медленно, не торопясь, она подошла к установленной Видаром подставке и так же медленно поставила факел в углубление на ней. Со стороны всё выглядело как вполне спланированный ритуал. Когда пламя поднялось выше, Николай заметил движение вдалеке между деревьями.

— Вот, видишь..? — едва слышно сказал Видар.

— Да, они всё время наблюдали...

Прошло около 5 минут пока из леса наконец-то вышли трое.

Впереди шёл вождь Нгокогоба. Рядом с ним — Мимбивика. А чуть позади — высокий охотник О-Нго-Бу-Ко.

Все трое выглядели иначе, чем прежде.

На плечах старика лежала великолепная леопардовая шкура. Она была тщательно расправлена и закреплена так, словно её надели специально для торжественного случая. Мимби-

вика тоже была одета необычно. Её одежда была сшита из красивой шкуры крупного хищника, волосы тщательно убраны назад, а на ногах была обувь — нечто похожее на грубые мокасины. Хотя «мокасины» — пожалуй, слишком громкое слово: скорее, это были какие-то свёрнутые куски кожи, не сильно отличающихся от свёртков, которые Николай видел в пещере эректусов. Высокий охотник был в своей обычной шкуре, но выглядел непривычно опрятно.

Видар едва заметно улыбнулся.

— Получилось!

— Ты про их наряд?

— Да, я к тому, что они тоже готовились к этой встрече!

Видар оказался прав: их предыдущая демонстрация с одеждой не прошла бесследно. В племени эректусов решили уделить внимание внешнему виду.

— А что скажешь про её обувь? Грубоватые узелки, похожие на мокасины.

— Да, я подозревал, что у них должно быть что-то подобное. Они бы не смогли ходить босиком зимой. Тем не менее рыбка заглотила червячка, и это радует!

Трое остановились у самой границы. Несколько секунд обе группы просто молча смотрели друг на друга. Первой нарушила молчание Амавоса.

Она спокойно достала из кармана своего комбинезона пластиковую бутылочку. Подняла её так, чтобы все хорошо видели, сделала несколько глотков и аккуратно закрутила крышку обратно. Лицо Нгокогобы мгновенно изменилось.

Он резко шагнул вперёд.

— Амавоса!

Его голос впервые звучал раздражённо. Он быстро заговорил, одновременно сопровождая речь жестами. Теперь Николай понимал уже достаточно много. Если перевести на понятный им язык говорил он следующее:

«Амавоса. Плохо. Так нельзя. Твоя мать так не делала. Ты должна слушать. Вождь говорит.»

Мимбивика тоже что-то сердито произнесла, время от времени показывая на бутылку и на двух людей. Амавоса выслушала их спокойно. Жесты были простыми.

«Я слушала. Вождь говорил. Один мужчина. Потом другой мужчина. Потом третий мужчина, сын вождя. Вторая жена. Я ушла. Теперь здесь у меня два мужчины.

Николай почувствовал, как Видар рядом удивлённо выдохнул

— Ты тоже сейчас понял о чем они спорят..?

— Да, ленивый мужчина приходится сыном этому деду. И тот ему приготовил вторую жену. А Амавосу не захотела быть второй женой, она перешла в другое племя где у неё два мужа.

— Ну это уже твоё вольное толкование, она сказала "Амавосу. Два мужчины" это не означает что у нее союз с кем-то из нас.

— А помоему это именно то что она сейчас пытается донести до старика.

Спор тем временем разгорался. Амавосу повторила своё имя и имена Николая и Видара и сказала это громко. Потом сказала что-то негативное про его сына, неохотника Инг-Ба-Ва-О,

Нгокогоба неожиданно потерял самообладание. Он сделал ещё шаг к границе почти наступив на неё и поднял руку так, словно собирался ударить женщину. Но сделать этого не успел. Николай спокойно шагнул вперёд и оказался между ними.

— Спокойно, — поднял он открытую ладонь.

Потом всё-таки изобразил универсальный жест согласия из языка племени. Несколько секунд Нгокогоба тяжело смотрел ему в глаза. Потом старик шумно выдохнул и заговорил уже с Николаем. Он показал на стоявшие рядом керамические сосуды, и потом изобразил отрицательный жест.

«Не нужно.»

Николай вопросительно посмотрел на Видара. Тот только пожал плечами.

— Рынок насытился...

Несколько секунд никто ничего не делал. Потом Николай неожиданно подошёл к факелу. Он показал на него. Затем достал второй и поднёс его к первому. Пламя мгновенно перескочило на новую смоляную головку. Вторая огненная колонна вспыхнула так же ярко.

Из-за деревьев сразу раздалось дружное ахание:

— А-а-а...

Только теперь Николай заметил детей. Они давно наблюдали за происходящим из-за спин взрослых. Высокий охотник тоже не смог скрыть удивления. Даже Мимбивика невольно задержала взгляд на двух одинаково горящих факелах.

Лишь Нгокогоба сохранил невозмутимое выражение лица. Он бросил короткий взгляд на огонь и негромко произнёс:

— Ги...

На языке племени это означало просто «Огонь».

Потом он повернулся к Мимбивике и высокому охотнику и что-то сказал им, после чего развернулся и медленно зашагал обратно к лесу. Мимбивика и охотник последовали за ним. Дети ещё несколько раз обернулись на яркие факелы, после чего исчезли среди деревьев.

Когда лес снова затих, Видар негромко усмехнулся.

— Видел?

— Что именно?

— Он понял ценность факела.

— Старик?

— Да, но признавать этого не захотел.

Николай посмотрел на медленно колышущееся пламя.

— Думаешь, он торгуется?

— Сложно сказать. Он оценил полезность факела, но пока недостаточно высоко. Время неудачное — день.

Николай перевёл взгляд на солнце.

— Тогда давай дождёмся вечера. Пусть увидят, зачем человеку нужен огонь, который можно носить с собой и ставить на подставку.

Решено было остаться у границы до следующего дня. Факелы затушили при помощи специально сделанного для этой цели глиняного горшка. Остаток дня потратили на ловлю рыбы и постройку шалаша для Амавосы. Втроём в одном им было бы тесно... да и неловко, если уж говорить прямо. Их шалаш с печкой слегка развалился от непогоды, его тоже нужно было укрепить.

Солнце уже почти коснулось вершушек деревьев. Они просто сидели и смотрели на реку. Амавосо крутилась неподалёку и собирала сухие ветки для костра.

Когда уже заметно стемнело, они решили зажечь факелы. Вернее, один из них. Одного заполненного факела хватало примерно на час. Главное — просто привлечь внимание кого-нибудь из племени.

Вечер незаметно переходил в ночь. В какой-то момент Амавосо насторожилась. Она подняла голову и долго всматривалась в берег. Потом негромко произнесла:

— Инг-Нго-Ву-Ба...

Николай сразу обернулся. Из темноты медленно вышел человек. Это был первый охотник.

Он шёл один. Остановившись у самой границы, он долго смотрел на пляшущее пламя уже второго факела.

Потом перевёл взгляд на Амавосу. Она подошла ближе. Несколько секунд они молчали. Наконец охотник спросил:

— Хорошо?

Амавоса спокойно подтвердила.

— Хорошо.

Он ещё некоторое время смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на двух людей. Он окинул взглядом их жилища, костёр и факелы. Затем изобразил жестом глиняный сосуд и спросил:

— Есть?

Она ответила:

— Есть.

— Много?

Амавоса показала руками большой круг.

— Много.

Потом охотник перевёл взгляд на факел и сказал:

— Это. Хорошо. Ночь...

Потом сделал вопросительный жест. Амавоса подошла к факелу, легко вынула его из держателя и несколько шагов прошла вдоль берега. Яркое пламя освещало её лицо, траву под ногами и ближайшие кусты. Немного походив вдоль границы, она вернулась обратно и воткнула факел в деревянную подставку.

Охотник не сводил с него глаз. Это был не просто огонь. А огонь, который давал много света и который можно было нести с собой.

— Хорошо... — сказал он негромко.

Николай с Видаром переглянулись.

«Он понял».

Охотник неожиданно показал на один из глиняных сосудов, потом ударил себя ладонью в грудь.

— Инг-Нго-Ву-Ба.

После этого рукой изобразил рога большого зверя. Потом сделал движение копьём и снова указал на себя. Видар вопросительно посмотрел на Николая.

— Кажется... он говорит, что сам добудет зверя.

После этого он подошёл к охотнику и жестами попытался уточнить догадку. Охотник подтвердил её жестом согласия. Николай отошёл и вернулся с факелом и прутиком. Он стал рисовать, объясняя, что получит сосуд, если принесёт им тушу добытого на охоте зверя. Охотник соглашался... но с помощью жестов и рисунков объяснил, что не может принести целое животное. Добытое на охоте принадлежит племени.

Видар тоже уже стоял рядом и понял это быстрее Николая.

— В данном случае, думаю, надо согласиться на половину туши. Цена на сосуды рыночная. На данный момент мясо стоит дороже.

— Ладно, — немного удивлённо согласился Николай и, повернувшись к Инг-Нго-Ву-Ба, изобразил жест согласия.

Тот подтвердил.

— Инг-Нго-Ву-Ба. Прийти завтра.

— Приходи, — ответил Николай.

Первый охотник ненадолго задержался, ещё раз посмотрел на Амавосу, потом молча вернулся и исчез в темноте между деревьями.

Николай тихо сказал:

— По-моему... сейчас произошло что-то гораздо более важное, чем сам факт обмена.

Видар задумчиво смотрел вслед исчезнувшему охотнику.

— Да... это первая индивидуальная сделка.

Утром Видар почти молча собрал рюкзак.

— К сожалению, мне придётся оставить вас. Кто-то должен позаботиться о саженцах — сейчас они в приоритете, — сказал он, проверяя, на месте ли аэрозоль и зажигалка. — Те, что возле лаборатории, нельзя долго держать под тканью. На солнце они могут перегреться, и тогда мы потеряем урожай. У реки и возле дома всё должно быть в порядке — там они не укрыты. Но проверить всё равно нужно. Справитесь без меня, Николай?

Николай неуверенно посмотрел на него.

— Да, конечно справимся... А ты? Уверен, что справишься один?

— Да. У меня аэрозоль, факел и громкий голос. Сирену оставляю вам — вам ещё мясо тащить. Если не вернётесь завтра днём, я сам приду за вами. А до этого буду возле дома.

Николай кивнул.

— Будь осторожен, Видар. — Он улыбнулся и добавил: — А за нас не волнуйся. Мы теперь официальные торговцы.

Видар усмехнулся, закинул рюкзак за спину и решительно зашагал вверх по течению реки.

До первых посадок у склона за каменной грядой, он добрался без происшествий.

Молодые растения выглядели заметно крепче, чем несколько недель назад. Листья стали шире, стебли — толще. Тыковки появились, но были ещё крохотными, Подсолнечник разросся толстыми и величественными стволами.

"Красота"

Видар с довольным видом провёл рукой по стеблю. И приподнял двумя руками одну из тыковок.. "Вот ещё месяц и тут тоже готово будет. Надеюсь тут внизу погода позволит.."

Закончив обход он присел возле хижины и перекусил запеченой в глине рыбой. Ему хотелось сорвать одну недозревшую тыковку. Но он поборол в себе это желание:

"Это ресурс"

Отдохнув с полчаса, он решил приступить к подъёму. До дома было идти вверх по склону где то около часа. Тропинка была протоптана в самом оптимальном расстоянии. Как только он сделал первые шаги, то почувствовал лёгкую дрожь земли.

Видар сразу остановился.

«Что это... Земля как будто вибрирует».

Где-то впереди негромко треснула сухая ветка. Он отошёл в сторону и присел за большим валуном. Через несколько минут между деревьями появились первые животные.

Они были огромными.

«Слоны?.. Вернее, мамонты?.. Нет».

Он внимательно всмотрелся. Животные были покрыты длинной бурой шерстью. У каждого на морде возвышался длинный изогнутый рог.

«Шерстистые носороги!»

Их было несколько... Двигались они неторопливо, один за другим, почти не обращая внимания на окружающий мир. За взрослыми шли два молодых животных.

Видар не шевелился.

«Главное — сидеть тихо и никак не выдать себя...»

«Вот как бывает, когда становишься самоуверенным... Вот она, опасность...»

Стадо медленно прошло в 20 метрах от него и постепенно скрылось среди деревьев.

Лишь убедившись, что последний носорог исчез из виду, он поднялся.

— Хорошо... что не мамонты, — тихо пробормотал он.

Он аккуратно вышел из укрытия и продолжил свой подъём.

Тем временем Николай продолжал заниматься с Амавосой. Он хотел научить её как можно большему количеству их слов, чтобы по возможности реже прибегать к жестам. Он понимал, что дикарке было бы удобнее использовать оба способа общения, но ему так казалось проще. Она же присоединилась к их племени, а не наоборот.

Амавосо старалась. Николай медленно и членораздельно произносил новые звуки, а она старательно повторяла.

— ПО.

— СУП.

— ОТ.

— НОС.

Некоторые получались почти сразу. Другие — никак. Он учил её отдельным словам, которые по-шведски и по-русски звучали одинаково или почти одинаково. Так они с Видаром решили постепенно формировать собственный сапиенс-эректус лексикон. Например, предлог «по», слова «нос», «стул», «суп» произносились почти одинаково на обоих языках. Таких похожих слов оказалось немало. Некоторые из них восходили ещё к индоевропейскому праязыку, как, например, глагол «рвать» — по-шведски *riva*, другие были заимствованы из латинского, французского, немецкого или английского языков и вошли как в шведский, так и в русский.

Николай стал замечать одну особенность. Когда она произносила сложные звуки, язык словно заполнял почти весь рот. Он вспомнил, как выглядели языки у других членов её бывшего племени, и пришёл к выводу, что они были заметно шире и массивнее, чем у современного человека.

«Интересно... Может быть, язык слишком тяжёлый, и ей просто трудно произносить некоторые звуки... Если анатомия ограничивает возможности, то, очевидно, язык придётся создавать свой собственный. Понимать русский и шведский она, может быть, и сможет. Только какой в этом смысл, если нормально говорить на них у неё никогда не получится.»

К вечеру Амавосо первой заметила движение со стороны леса.

— Инг-Нго-Бу-Ба...

Через несколько секунд появился и сам охотник. В этот раз он выглядел совсем иначе. Шёл с трудом, заметно прихрамывая. Поперёк плеч у него лежала задняя часть среднего оленя. Даже издалека было видно, что ноша даётся ему с большим трудом. Уже у самой границы, он осторожно опустил добычу на землю и несколько секунд просто стоял, тяжело дыша.

Николай сразу заметил кровь. На правом боку, чуть выше бедра, тянулся длинный глубокий порез.

Рана уже почти перестала кровоточить. Поверх неё были аккуратно уложены широкие шероховатые листья, удерживаемые тонкими полосками кожи.

— Он ранен... — тихо сказал Николай.

Амавоса спокойно посмотрела на охотника и на листья, наложенные на рану. Потом, совсем без тревоги, произнесла:

— Хорошо.

Николай присел рядом и осторожно рассмотрел растение. Листья были крупные, толстые и раздавленные... Ему это что-то напомнило.

«Надо будет потом спросить об этом у Амавосы и опознать их смарт-часами. Если эти растения действительно обладают целебными свойствами, они пригодятся и им самим...»

Он вспомнил как в детстве они прикладывали подорожники на разбитые коленки.. Но эти растения выглядели совсем иначе.. "Ладно разберемся.."

— Откуда вы знаете, что они помогают? — спросил он скорее самого себя.

Амавоса поняла только последнее слово и ответила примерно так:

«Старые люди знали всегда».

Она имела в виду стариков племени.

Николай понимающе кивнул. Знания передавались из поколения в поколение. Он перешёл на жесты и спросил Амавосу, сможет ли она найти эти растения. Она кивнула, уже переняв этот жест и привыкнув к нему.

Охотник тем временем выпрямился, показал рукой на тушу и на один из глиняных сосудов.

Николай без слов принёс сосуд и осторожно поставил перед ним. Охотник взял его, осмотрел, долго покрутил в руках и, оценив рисунок охоты, довольно заахал. Затем снова поставил сосуд на землю, приподнял кусок туши небольшого оленя и перебросил его через границу на волокушу.

Это, конечно, не была половина оленя. Где-то, наверное, треть. Но всё равно очень много мяса.

После чего он снова поднял сосуд обеими руками. На лице впервые появилось что-то похожее на удовлетворение.

Перед тем как уйти, он ещё раз посмотрел на Амавосу и на Николая, потом показал жестом: «Хорошо».

Николай жестами показал, что они снова будут здесь через месяц.

Он ответил тем же жестом. Было не совсем понятно, принесёт ли он мясо в следующий раз.

Уже было темно, и он снова показал на костёр, потом — на то место, где стоял факел.

«Ах... да, сейчас покажу...»

Николай подержал наполненный мхом и смолой факел над костром, пока тот не загорелся ярким пламенем. Сразу стало заметно светлее.

— Аааа... — протянул Инг-Нго-Ву-Ба.

И показал жестами, чтобы Николай взял его с собой в следующий раз.

Николай ответил: «Хорошо», — но про себя подумал:

«Посмотрим ещё, каким будет наше сотрудничество... Хорошо хоть не прямо сейчас попросил...»

В целом он не видел ничего плохого в том, чтобы передать племени факелы.

«Нужно только сначала научить их ими пользоваться».

После этого охотник развернулся и медленно исчез среди вечерних деревьев.

Было уже поздно идти в обратный путь, поэтому тушу решили спрятать в своём холодном хранилище в земле. Николай и Амаваса готовились ко сну.

Утром они оправились к своему месту у реки. Николай уверенно тянул волокушу. Амаваса шла позади с факелом и время от времени подсыпала в горшочек с тлеющими углями смесь сырых листьев и стружки, чтобы из него шёл густой дым, надеясь, что он отпугнёт животных. К счастью, за час пути вдоль реки ничего не произошло. Когда они уже подходили к хижине у склона, наверху показалось какое-то движение. Они насторожились. Но, различив знакомый оранжевый комбинезон и походку, сразу поняли, что это Видар.

После вчерашней сделки всё было решено, и теперь оставалось только забрать мясо. Видар встретил их уже на дороге.

— Я как раз собирался идти к вам, — сказал он. — Вчера по пути встретил стадо шерстистых носорогов. Пришлось ждать, пока они пройдут. Лучше не приближаться к ним. Даже если они кажутся спокойными.

Николай с интересом посмотрел на него.

— Насколько близко они подошли?

— Достаточно близко, чтобы я понял, что не хочу проверять их характер.

Видар принёс с собой кофе в своей бутылке и предложил всем передохнуть и выпить его тут. Он перелил Николаю, потом и предложил Амавасе. Та удивленно смотрела на это. Потом

тоже сделал несколько глотков, потом выплюнула остатки. Кофе был без сахара и наверное показался ей невкусным. Николай махнул рукой.

— Потом когда появится сахар, научим её нашим вредным привычкам.

— Мёд.. надо найти мёд.

— Да, надо.

Отдохнув, и набравшись сил. Они решили продолжить путь наверх уже втроём. Шли с остановками где-то часа полтора.

У дома они сразу занялись обработкой мяса и шкуры. Мясо разделили и обработали. Часть оставили для еды, часть подготовили для хранения. Амавосо внимательно наблюдала за всем процессом, помогая там, где могла. Ей отдали часть шкуры, и она долго рассматривала её, проводя руками по поверхности. Она придавала шкуре большое значение. Это был материал для одежды ремней и всего остального. На всё это ушел остаток дня.

Далее дни потекли своим чередом. Еды хватало, и друзья смогли уделить больше времени строительству пристройки к дому. Начали основательно — с укладки валунов под фундамент. Использовали те же материалы: балки, глину и смесь камней с песком.

К середине сентября пристройка длиной около двадцати метров была уже наполовину готова и опоясывала всю заднюю часть дома. Они делали всё основательно, и постепенно становилось ясно, что их дом увеличится если не вдвое, то весьма значительно.

Амавосо тоже иногда помогала им. Николай показал ей, как замешивать глину и готовить растворы. Она с интересом наблюдала, как из всего этого постепенно вырастают стены, и как могла выражала своё изумление и радость.

Николай уже сказал ей, что именно в этой пристройке она будет жить. Скорее всего, именно это придавало ей дополнительную мотивацию, и как только она справлялась со своими ежедневными «амавоса-рутинами», сразу присоединялась к мужчинам.

Видар сильно уставал. В первой половине дня он почти ежедневно ходил к лаборатории и проверял посадки. Никак не мог решить, пора ли собирать урожай. Лишь ближе к концу сентября он наконец решил, что время пришло.

Результат оказался лучше, чем он ожидал.

Восемнадцать больших тыкв. Несколько десятков подсолнечников с созревшими семенами. Лён. Множество диких луковиц. И это только здесь. Оставались ещё посадки у реки и возле дома на лугу.

— В следующем году возле лаборатории больше ничего сажать не будем, — сказал Видар, осматривая собранный урожай. — Мои колени этого не выдержат... Да и смысла нет. Всё перенесём сюда.

Николай кивнул, соглашаясь с очевидным.

Лабораторию они собирались закрыть надолго. Постепенно всё необходимое оттуда перенесли к дому. Вещи складировали либо в выкопанных подземных хранилищах, либо под простыми двускатными навесами, построенными на скорую руку, но добротно. От непогоды их

надёжно защищала та же полимерная плёнка. К наступлению холодов они собирались закрыть навесы по бокам и превратить их в полноценные хранилища.

Язык Амавосы тоже заметно изменился. Она уже понимала многие простые слова и могла объяснить больше, чем раньше.

Они продолжали экспериментировать с дистилляционным оборудованием. В одном из котлов им удалось получить древесный спирт. Смесь получилась далёкой от чистой, но результат был вполне ожидаемым. Видар осторожно понюхал жидкость и кивнул.

— Метанол в чистом виде опасен тем, что его можно перепутать с этанолом. Но в таком виде, с ацетоном и другими примесями, его уже не перепутаешь.

Николай тоже заметил резкий запах, сильно отличавшийся от обычного спирта.

— Да, тут, конечно, не перепутаешь.

— Всё равно проверять не стоит. Хранить будем отдельно.

— Конечно. Это только для зажигания факелов и, возможно, для каких-то зажигательных смесей. А может, только для них и сгодится. Нужно чётко маркировать сосуды, в которых будут связаны с получением и хранением древесного спирта, и никогда не использовать один и тот же аппарат для одного и другого.

Во второй установке они работали с ягодами и тыквами. После брожения и перегонки получили небольшое количество этанола. Совсем немного. Но достаточно, чтобы понять: технология работает.

Октябрь пришёл неожиданно быстро. Дни стали короче. Воздух по утрам был холодным. Пришло время снова идти к границе. Но друзья были заняты сбором урожая и торопились. Они решили закончить пристройку к дому. Полноценного защитного пространства над потолком пока делать не стали.

«Зимой там всё равно жарко не будет».

В пристройке, как и в их части дома, установили два окна. Они были немного меньше, чем в их жилой части. В качестве оконного материала они решили использовать ту же полимерную плёнку. Она была не полностью прозрачной, но всё же пропускала достаточно много света.

С внешней стороны окон они крест на крест закрепили крепкие железные спицы и арматурные штыри. Выглядело это так себе... Не тюрьма, конечно, но и не особенно красиво. Однако всех устраивало такое решение. Главное — защита. Перекладины крепко держались в глиняной кладке из обожжённых кирпичей.

Страна дома для Амавосы была в целом закончена. Оставалось только утеплить все щели и ещё раз проверить теплоизоляцию.

Однажды вечером Видар посмотрел на небо и нахмурился. Тучи быстро закрывали горизонт.

— Будет сильный ветер.

Он посмотрел на деревья вокруг.

— Лучше убрать всё, что осталось возле реки. Прямо сейчас.

Они спустились к реке и заметили, что ветер уже усиливался. В спешке начали собирать тыквы, срывать головки подсолнухов и складывать всё в свои хранилища. Тащить всё вверх по склону сейчас уже не было времени.

«Под землёй ничего не случится».

Участок был не очень большой, и втроём они управились примерно за полчаса. Тыкв осталось восемь — четыре они забрали ранее. Подсолнечников было четырнадцать. Весь лён пересыпали в сосуды.

Ветер продолжал усиливаться, и вскоре они заметили, как верхушки деревьев начали заметно гнуться.

— Уходим! — раздался голос Николая.

Они спешно двинулись вверх по склону. Тем временем ветер дул всё сильнее, а небо стало почти чёрным. Где-то далеко прогремел первый удар грома.

Вверх по склону они уже почти бежали. Когда они добрались до дома и забежали внутрь, ветер дул так сильно, что казалось, будто он ударяет прямо в стены.

Амавосо тоже была внутри, в своей части дома. Они вслушивались в порывы ветра и молча сидели каждый со своими мыслями.

Деревья скрипели.

Крыша дрожала под ударами ветра.

Окна они заложили шкурами и тканью, опасаясь, что плёнка не выдержит. Но она находилась достаточно глубоко внутри оконных проёмов, закреплённых в кирпичной кладке, поэтому давление на неё было не таким сильным. А вот для самих стен это стало настоящим испытанием.

— Испытание за испытанием, — тихо проговорил Видар.

— Не переживай... стены сделаны добротнo, они выдержат. Я бы больше переживал по другому поводу.

— По какому?

— Молния. У нас нет громоотвода. Мы, конечно, стоим недалеко от склона, рядом горная порода, вокруг деревья... Но всё равно вероятность того, что в нас может ударить молния, намного выше, чем если бы мы сидели в доме в наше время.

— О да... — Видар прикрыл лицо рукой, не скрывая испуга. — Я об этом даже не подумал. Мы выросли в обществе, где за нас о таких вещах думал кто-то другой.

— Остаётся надеяться, что пронесёт. А потом как-нибудь решим проблему с громоотводом.

Гроза продолжалась. Молнии ярко освещали комнату, а гром становился всё ближе.

Амавосу забила в угол и накрылась шкурой. Деревья трещали. Где-то снаружи послышался сильный треск и звуки каких-то животных. Это были далёкие, едва различимые крики.

Начался ливень.

Он был сильным и стал очередным испытанием для их дома, особенно для пристройки. Через окно они видели, как старая хижина снаружи полностью развалилась — часть её конструкции просто сдуло ветром. Но сейчас им было не до этого.

Пристройка выдержала.

Постепенно шум дождя стал тише, порывы ветра ослабли. Удары стали реже. Дождь перешёл в спокойный, ровный ритм и даже начал убаюкивать.

Природа успокаивалась, а на них накатила усталость.

Они заснули там, где сидели.

Николай проснулся от странного звука. Он доносился откуда-то издалека. Он встал, подошёл к окну и осторожно оттянул дощечку, прикрывавшую простую форточку.

Его движения разбудили Амавосу. Она медленно перекатилась на четвереньки, просыпаясь и зевая. Звук повторился снова и снова. Какое-то животное...

Амавоса уже стояла рядом и внимательно прислушивалась. Николай, накинув куртку, вышел наружу. Его движения разбудили и Видара.

Тот, зевая, спросил:

— Куда это ты?

— Там какое-то животное. Хочу посмотреть.

Амавоса, закрепив на себе шкуру, пошла следом.

Вскоре звук стал совсем отчётливым. Животное было совсем рядом, у деревьев. Амавоса будто что-то поняла. Повернувшись к Николаю, она сделала жест, означавший:

«Ребёнок...»

Николай замер.

— Какой ребёнок? Это животное.....Или там тоже ребёнок..?

Он встревожился и ускорил шаг в сторону источника звука.

После бури лес выглядел иначе. Несколько больших ветвей лежали на земле.

Вскоре они увидели, в чём было дело. Одно из старых деревьев не выдержало ветра и рухнуло. Под ним лежало большое животное, покрытое густой шерстью и похожее на быка. Рядом с ним, посреди мокрой травы, ходил маленький телёнок. Он снова и снова подходил к придавленной самке тура, толкал её носом и жалобно мычал.

Глава 5

Вторник, 4 октября 2061 года, 08:00 (GET)

$\Delta T + 469$ дней

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

Телёнок снова и снова подходил к придавленной самке тура, толкал её носом и жалобно мычал. Несколько секунд они смотрели на происходящее.

Николай осторожно подошёл ближе. Теперь стало видно, что огромное дерево переломило животному спину. Самка лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Дождь уже успел смыть с её шерсти большую часть грязи и крови.

— Похоже... погибла ещё ночью, — тихо произнёс он.

Тем временем к ним подошёл Видар и присел рядом.

— Здоровый ствол. После такого она долго бы не прожила. - добавил он.

Телёнок заметил людей и испуганно отпрыгнул в сторону. Он замер, настороженно глядя на них большими тёмными глазами. Его уши нервно подёргивались - он заметно нервничал. Он то отходил на несколько метров, то снова возвращался к матери. Несколько раз жалобно промычал, потом опять ткнулся мордой в её бок.

Наконец он снова попытался добраться до вымени. Но лежавшая на боку туша не позволяла этого сделать. Соски оказались зажаты внутрь к земле. Телёнок долго искал их, тыкался мордой то в живот, то в заднюю ногу матери, всё сильнее беспокоясь.

Николай вдруг замер.

— Подожди...

Он ещё раз посмотрел на вымя.

— Он не может добраться до молока...

В следующую секунду у него появилась мысль. Он быстро открутил крышку своей пластиковой бутылки, вылил остатки воды на траву и медленно направился к туше.

Телёнок сразу заметил движение. Он испуганно отскочил в сторону и отбежал метров на десять.

— М-м-муу....

Он тревожно замычал, не сводя глаз с человека. Но убежать далеко не стал.

Николай осторожно присел возле самки тура. Аккуратно приподнял один из сосков. Осторожно сжал его пальцами. Несколько капель ударили в землю. Он попробовал ещё раз. На этот раз в бутылку ударила тонкая белая струйка.

— Есть... — тихо сказал он.

Молоко ещё не успело испортиться. Он продолжал осторожно доить. Бутылка постепенно наполнялась. Видар широко раскрыл глаза.

— Невероятно...

Через несколько минут бутылка была почти полной. Николай закрутил крышку и поднялся.

— Здесь ещё есть. Нужны ещё бутылки.

— Я сбегаю, - сразу ответил Видар и сразу побежал обратно к дому.

Николай остался стоять неподвижно. Телёнок внимательно наблюдал за ним. Прошла почти минута. Потом осторожно сделал несколько шагов вперёд. Снова подошёл к матери. Ещё раз попытался найти сосок. Безуспешно.

Николай медленно опустился на корточки, очень плавно открутил крышку бутылки. Потом осторожно протянул её вперёд.

Телёнок насторожился. Он долго смотрел то на человека, то на странный прозрачный сосуд. Наконец вытянул шею. Сначала лишь осторожно коснулся молока языком и отпрянул. Потом лизнул ещё раз. Через несколько секунд начал жадно пить. Николай даже не шевелился. Он боялся спугнуть животное.

Амавоста стояла рядом, затаив дыхание. Такого она тоже никогда не видела. Спустя несколько минут послышались быстрые шаги. Вернулся Видар. В руках у него было пять пластиковых поллитровых бутылок и одна большая двулитровая.

Николай тихо рассмеялся.

— Ну ты и оптимист...

— А вдруг получится? — улыбнулся Видар.

— Не думаю что его там так много.

Телёнок тем временем почти допил первую бутылку. Николай осторожно убрал её. Потом жестом позвал Амавосу.

— Попробуй теперь ты.

Она вопросительно посмотрела на него. Потом медленно подошла. Но стоило ей сделать ещё один шаг, как телёнок снова испуганно отпрыгнул и отбежал в сторону. Николай поднял ладонь.

— Нет... Назад.

Амавоста сразу остановилась. Потом послушно сделала несколько шагов обратно.

Телёнок ещё немного понаблюдал за людьми. Убедившись, что они не приближаются, снова вернулся к матери. Николай тем временем вновь принялся осторожно доить самку.

Молоко шло уже заметно хуже. Но ему всё же удалось наполнить ещё две поллитровые бутылки. Под конец струйки стали совсем тонкими.

— Всё... — тихо сказал он. — Почти закончилось.

Он взял первую бутылку, на дне которой ещё оставалось немного молока.

Телёнок уже сам подошёл ближе. На этот раз Николай не стал приближаться слишком близко. Он лишь медленно протянул открытую бутылку. От неё пахло молоком. Телёнок осторожно потянулся к ней. Сначала несколько раз лизнул край горлышка. Потом высунул язык глубже и начал быстро слизывать молоко прямо из бутылки.

Николай лишь слегка наклонял её, стараясь не пролить ни капли.

Видар довольно улыбнулся.

— Представляешь... Настоящее молоко...

Он мечтательно посмотрел на бутылки.

— С ягодами получится отличный смузи...

Николай усмехнулся и покачал головой.

— Не в этот раз.

— Почему?

— Пока эта молочная кухня принадлежит ему.

Он кивнул в сторону телёнка.

— Нам важнее, чтобы он выжил.

Видар вздохнул.

— Но ему уже месяца четыре... Он ведь уже должен есть траву.

Николай ненадолго задумался. Потом неожиданно улыбнулся.

— Знаешь... Я сейчас кое-что вспомнил.

— Что?

— Когда я ещё учился в школе, нас однажды возили на ферму. Мы кормили лошадей морковью. Они её просто обожали...

— Моркови у нас нет, — поспешил возразить Видар.

— Но есть тыквы!

Видар вопросительно посмотрел на него.

— Думаешь..?

— Почему нет? Траву он уже наверняка ест. Проверим. Но кроме молока ему сейчас нужно что-то сочное и калорийное. Что если дать ему немного тыквы? Если понравится, пережить первые дни ему будет намного легче.

— Ну, Николай... Я понимаю, что это, конечно, удача. И тягловое животное нам очень пригодится. Риск, пожалуй, оправдан...

— Но?

— Но это молоко... Нам бы оно и самим пригодилось. Жирное, свежее...

Николай улыбнулся.

— Возьми вон те маленькие стаканчики. Выпьём по сто миллилитров каждый. Остальное — в наше холодное хранилище. Это уже для него. До завтра должно сохраниться.

— Думаешь, он никуда не уйдёт?

— Куда ему идти? Здесь лежит его мать. Да и покормить его пока можем только мы.

Он повернулся к Видару.

— И ещё... Его сейчас нельзя оставлять тут. Он лёгкая добыча. Тебя не затруднит принести кусок тыквы и немного мягкой сухой травы. Посмотрим, что он выберет.

Видар кивнул. Он сходил и вскоре вернулся. В руках у него были несколько кусков тыквы, охапка мягкой травы и ведёрко с водой. Он положил всё это рядом с Николаем. Тот медленно придвинул еду ближе.

Телёнок сразу насторожился, но не убежал. Сначала он понюхал траву. Потом попробовал тыкву. И почти сразу стало понятно — выбор сделан. Он начал есть, а, прожевав первый кусочек, охотно принялся за второй, довольно промычав.

— Ну вот, — тихо сказал Николай. — Значит, тыква подходит.

Видар улыбнулся.

— Ещё одно применение нашим запасам.

Телёнок спокойно жевал, время от времени поднимая голову и глядя на людей. Николай посмотрел на него, и тут ему в голову пришла идея.

— Стоп... Мы не должны давать ему наестся.

Он повернулся и посмотрел в сторону дома. Потом осторожно забрал оставшуюся траву и кусочки тыквы и положил их обратно в ведёрко. Телёнок облизнулся и замычал. Николай повернул ведро в его сторону, и телёнок сделал шаг к нему.

Николай отступил на шаг, и телёнок продолжил двигаться за ним.

Он дотянулся мордой до края ведра и лизнул его, но не смог достать оставшуюся еду.

— Это шанс! Мы сможем увести его едой!

Видар всё понял и жестами показал Амавесе, что им нужно медленно и спокойно отходить к дому. Она всё это время ничего не понимала. Она смотрела то на телёнка, то на Николая, который медленно уводил его за собой с помощью еды.

Она повернулась к Видару и спросила:

«Телёнок живой. Зачем?»

Видар, уже понявший её вопрос, ответил:

«Здесь опасно. Могут прийти хищники».

Он посмотрел на телёнка и показал жестами:

«Нам нужен телёнок. Для работы».

Амавеса вопросительно посмотрела на него. Она явно не ожидала такой мысли. Для неё животные были частью леса. Едой. Опасностью. Чем-то, на что охотятся. Но не чем-то, что

может помогать человеку. Она ничего больше не сказала и просто продолжила медленно идти вместе с ними.

Через несколько метров телёнок остановился. Он развернулся и посмотрел туда, где осталось тело его матери, и жалобно замычал. Потом сделал несколько шагов назад.

Но Николай быстро сориентировался. Он осторожно подставил ведро, и морда телёнка уткнулась прямо в него. Телёнок снова начал жевать. Николай добавил туда ещё несколько кусочков тыквы. Но вскоре понял, что так далеко они не уйдут. Телёнок будет каждый раз возвращаться назад. Тогда он осторожно положил маленький кусочек тыквы на землю и отошёл метров на пять.

Телёнок посмотрел на него. Потом на кусочек еды. И пошёл вперёд. Подошёл. Съел.

«Есть», — подумал Николай. — «Так дело пойдёт быстрее».

Ещё один кусочек появился чуть дальше. Николай снова отошёл. Так они начали движение. Первые несколько метров прошли легко. Но в какой-то момент телёнок снова остановился и захотел развернуться.

Николай занервничал. Он достал немного травы и несколько кусочков тыквы, показал их телёнку и положил на землю впереди. Телёнок снова двинулся в их сторону.

Постепенно им удалось постепенно добраться до самого дома.

Телёнок снова остановился. Он внимательно осмотрел новое место. Слишком много новых запахов. Новое окружение. Новые звуки. Николай медленно продолжил движение и завёл его в пристройку Амавосы. Там он поставил миску с оставшейся едой.

Видар тоже не терял времени. Он принёс воду в глиняной миске и несколько охапок мягкой травы. Амавосо помогала им.

Люди медленно вышли из пристройки и прикрыли дверь. Несколько секунд все трое молчали.

— Думаешь, останется? — тихо спросил Видар.

Николай посмотрел на закрытую дверь.

— Не знаю.

Они отошли на несколько шагов и стали ждать. Внутри сначала было тихо. Потом послышалось движение. Телёнок осторожно поднялся. Он подошёл к выходу и ткнулся носом в дверь. Она не открылась. Он тихо замычал. Амавосо сразу повернула голову. Но телёнок не бился и не пытался вырваться. Через некоторое время он вернулся к траве. Потом лёг.

— Он устал, — сказал Николай.

Видар кивнул.

— И понял, что здесь безопасно.

Когда телёнок наконец успокоился в пристройке, Николай ещё долго молчал. Потом посмотрел в сторону леса.

— Нам нужно вернуться туда.

Видар сразу понял.

— К матери.

Николай кивнул. Через несколько минут они снова втроём стояли возле поваленного дерева. Тело огромного животного всё ещё лежало под стволом. Теперь, когда они смотрели на него спокойнее, было ещё очевиднее, сколько мяса они теряли.

Первым заговорил Видар.

— Мы не можем оставить её.

Николай посмотрел на него.

— Я знаю.

— Тогда почему мы стоим?

Николай вздохнул.

— Потому что это его мать.

Он кивнул в сторону дома.

— Мы только что забрали её детёныша.

Видар посмотрел на дерево, потом снова на Николая.

— Мы не убивали её. Это был несчастный случай.

— Я знаю.

— Она умерла сама. Если мы уйдём, её всё равно съедят.

Он указал в сторону леса.

— Только это будем не мы.

Николай молчал. Он понимал логику. Но всё равно было трудно.

— Странное чувство, — наконец сказал он. — Ещё вчера мы бы радовались такому животному как добыче.

Он посмотрел туда, где скрывался дом.

— А сегодня мы забрали её детёныша.

Видар кивнул.

— Потому что ситуация изменилась. Мы не убивали её и решили позаботиться о её телёнке.

Он посмотрел на животное.

— А она здесь...

Он хотел сказать «огромный ресурс», но остановился и подобрал другое слово.

— Может быть, уважение к животному — это не дать ему просто исчезнуть в лесу.

Николай посмотрел на него.

— Уважение... Это как?

— Я хочу сказать, что она погибла. Но её смерть может помочь и нам, и её детёнышу.

Сбоку тихо стояла Амавосо. Она внимательно слушала, о чём говорили мужчины. Разговор почти полностью был ей непонятен, но она понимала главное: люди говорили о животном, о котором ещё вчера они даже не знали.

Она подошла ближе и коснулась рукой собственной груди. Потом показала в сторону дома.

«Мать... Детёныш».

Николай посмотрел на неё и кивнул.

«Да. Мы позаботимся о нём».

Он посмотрел на Видара и, тяжело вздохнув, сказал:

— Хорошо. Берём мясо.

Они не стали пытаться вытащить всё животное. Взрослая самка тура при жизни могла весить около 500–600 килограммов. Они решили подготовить и разделать животное прямо на месте. Видар принёс факелы и проверил, чтобы они были готовы в любой момент. Амавосо помогла собрать влажные листья и ветки для дыма.

— Не хочу, чтобы кто-нибудь подошёл слишком близко, — объяснил Николай.

Они поставили несколько дымящихся кучек вокруг места. Дым медленно поднялся между деревьями. Иногда Видар подбрасывал свежие листья, чтобы усилить его.

— Надеюсь, этого хватит.

Николай посмотрел в сторону леса.

— Надеюсь, нам вообще не придётся проверять.

Они работали молча. Они не чувствовали себя охотниками, а просто людьми, которые получили последний подарок от погибшего животного.

К полудню они уже поняли, что полностью обработать животное не смогут. Мяса было слишком много. Они брали всё самое ценное: большие куски мяса с задних ног, часть спины, плечо. Всё, что можно было быстро отделить и сохранить.

Амавосу не сразу приступила к делу. Некоторое время она просто смотрела на животное, словно о чём-то размышляя. История с телёнком и разделка этого животного сейчас вызывали у неё странное ощущение. Животное было взято не на охоте. Его детёныш теперь будет жить с ними. Они станут для него вместо матери. Для неё всё это казалось непривычным и странным. Но после некоторого замешательства она всё же присоединилась к разделке. Провозившись почти два часа, они решили сделать перерыв и немного поесть.

Видар решил сходить за едой — тыквенной кашей — а заодно проверить телёнка. Тот спокойно лежал и что-то лизал или жевал. К тому моменту, когда они сделали короткий перерыв, Николай снова задумался о телёнке. Молока у них было мало. Но телёнок уже не был совсем маленьким и охотно ел траву и тыкву. Но сколько же на самом деле едят телята?

Он стал вспоминать всё, что им удалось узнать об этом раньше. Кажется, речь шла о нескольких килограммах травы в день. Он точно не помнил — нужно будет уточнить. Но это было очень много травы или сена.

Телёнок будет расти быстро, и им нужно будет обеспечить ему питание не только сейчас, но и зимой.

Клетчатка, белки, углеводы, минералы. И соль. Именно соль. С этим у них самих давно была проблема. Он давно хотел спросить, как с этим справлялось племя Амавосы. Он повернулся к ней и начал расспрашивать. Оказалось, что у племени были соляные камни.

Николай вспомнил, что один такой даже лежал в одном из свёртков с едой, которую приносили ему. Тогда он не понял его значения и подумал, что это просто случайный камень.

Амавосу объяснила, что они лизали и сосали эти камни перед сном. Николай перешёл на жесты.

«Откуда вы их берёте?»

Она на секунду изменилась в лице и после чего стала объяснять..

«Животные идут туда. Охотники идут за ними. Там места и камни. Они лижут. Племя берёт себе».

Она показала в сторону, где находилось её прежнее племя.

«На той стороне».

Николай понял.

«Ты знаешь, где они?»

«Да, — ответила она. — Там».

Она показала направление и добавила.

«Амавосу не может идти. Там живёт племя Каменного Сердца».

Николай понял: она знала, где находятся эти места, но не могла зайти на территорию своего прежнего племени.

Видар, который всё это время слушал, подошёл ближе.

— А если не идти самим?

Они посмотрели на него.

— Можно обменять.

Он посмотрел на оставшиеся запасы.

— У нас есть тыквы. Сосуды. Другие вещи.

Николай поднял палец.

«Точно. Тыквы!»

Он перевёл взгляд на Амавосу и снова перешёл на жесты.

«Первый охотник. Он может принести соляные камни?»

Она поняла.

«Первый охотник есть тыква. Хорошо. Принесёт».

Это звучало обнадеживающе.

Они вернулись к работе и трудились до самого вечера. Им удалось отделить ещё достаточно много мяса. И обработать часть шкуры животного. Больше в этот день они сделать не могли.

Когда солнце начало опускаться, они наконец вернулись домой. Их одежда пропиталась дымом и запахом животного. Они умылись и привели себя в порядок.

Потом Николай посмотрел на пристройку. Телёнок спокойно лежал внутри и уже не пытался найти выход.

Амавосо жестами указала на бутылку и показала на телёнка.

«Молоко. Дать?»

Николай кивнул. Но Видар был не согласен и возразил.

— Мы должны экономить.

— Я знаю.

— Это наша единственная возможность получить молоко.

Николай посмотрел на телёнка.

— Главное сейчас это то чтобы он чувствовал себя тут в безопасности.

Видар ничего не ответил. Он понимал логику. То небольшое количество молока они не оставляли полностью себе. Это был вклад в то, чтобы животное начало им доверять.

Они снова дали телёнку немного травы. Николай открыл бутылку и перелил половину содержимого в глиняный сосуд. После чего осторожно подогрел молоко, перемешал его, снова перелил уже в другую бутылку. Давать холодное молоко он не хотел.

Подогретое молоко он дал Амавосо. Она поняла, что от неё требовалось, и медленно подошла к телёнку. Тот сразу насторожился, но запах молока оказался сильнее страха.

Через несколько секунд он осторожно начал приближаться, а потом высунул язык. Амавосо наклонила бутылку, чтобы ему было легче пить. Она осторожно провела рукой по его морде. Животное спокойно пило, лакая молоко из бутылки.

Ночью они проснулись от звуков снаружи. Слышалось рычание и треск ломаемых веток.

Утром первым вышел Николай. Дойдя до места, где вчера лежало тело самки тура, он обнаружил, что там почти ничего не осталось.

Только кости, следы на земле и несколько клочков шерсти.

— Природа забрала своё, — констатировал он.

Глава 6

Понедельник, 10 октября 2061 года, 10:30 (GET)

ΔT + 475 дней

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

Этим утром все трое снова шли в направлении границы с племенем эректусов. Прошло четыре дня с того момента, как они привели телёнка.

После разделки туши погибшего животного Николай озадачился записями, полученными ранее о приручении парнокопытных. Его удивлению не было предела, когда он увидел, сколько травы необходимо телёнку возрастом три-пять месяцев. Четыре-шесть килограммов свежей травы в день или полтора-два килограмма сушёного сена. По самым простым подсчётам, чтобы прокормить его до весны, нужно было заготовить почти триста килограммов сена.

— Триста килограммов... — недоверчиво повторил Видар. — Да он съест целый луг.

Николай только развёл руками.

— Зато потом сможет таскать волокушу намного лучше нас.

Следующие два дня они почти полностью посвятили сему. Траву срезали острыми камнями, ножи решили не использовать для такого дела. Скошенную траву раскладывали сушиться на солнце, переворачивали и к вечеру собирали под два простых навеса, поставленных на деревянных столбах. Видар настоял, чтобы сено не лежало прямо на земле.

— Снизу будет тянуть сырость, сверху — дождь. Если сено сгниёт, зимой он останется без корма.

Телёнка они тоже не оставляли всё время в пристройке. Ему нужно было двигаться. На третий и четвёртый день Николай стал ненадолго выпускать его во двор, в пределах каменного ограждения высотой всего в два камня. Этого было достаточно, чтобы он не ушёл далеко.

Пока друзья косили траву и сушили сено, он спокойно бродил рядом, щипал свежую траву, а иногда пытался стащить уже подсохшее сено, за что Видар каждый раз беззлобно ворчал:

— Эй, это на зиму!

Но стоило Николаю показать кусочек тыквы, как телёнок сразу подходил к нему. К вечеру животное уже без особых уговоров само возвращалось в пристройку, постепенно начиная воспринимать её как своё безопасное место.

К концу второго дня под навесами, по их прикидкам, уже лежало около 100 килограммов сухого сена.

— Добрую треть уже собрали, — удовлетворённо сказал Николай. — До холодов успеем. В тот же вечер они достали из холодного погреба последнюю, третью бутылочку с молоком. Чуть больше половины её содержимого разлили поровну в три чашки.

Николай сделал пару глотков, а потом сразу же допил всё, что осталось.

«Ох, до чего же вкусно... Подумать только — простое молоко.»

Видар сделал лишь один глоток. Его лицо сразу просияло. Потом он отставил чашку, достал другую, в которой заранее размял спелые ягоды, смешал их с молоком и, зажмурившись от удовольствия, медленно выпил всё до конца.

Амаваса не решалась притронуться к молоку. Повернувшись к Николаю, она показала жестами:

— Молоко. Кормить детёнышей.

Николай ответил:

— Это молоко животного. Мы люди. Пей. Это хорошо.

Недолго колеблясь, она всё же взяла чашку и сделала несколько глотков.

Потом удивлённо посмотрела на Николая и дважды показала жест согласия:
«Хорошо. Хорошо.»

После этого она перевела взгляд на Видара. Тот всё понял и протянул ей чашку с оставшимися ягодами.

Она смешала их с молоком так же, как это сделал он, и снова отпила.

Её глаза удивлённо расширились.

«Хорошо. Хорошо.»

Похоже, ей очень понравились и молоко, и «полевой смузи» Видара. Судя по всему, в её племени ничего подобного раньше никто не делал.

Но примерно через час стало ясно почему. Амавосе стало плохо. Несколько раз ей пришлось убегать в лес. У неё разболелся живот, начались сильное урчание и понос.

Сама она никак не связала своё состояние с молоком. Зато Николай и Видар всё поняли.

— Ах, какие же мы глупцы... Конечно. Взрослые люди начали регулярно употреблять молоко только после перехода к оседлой жизни и скотоводству. А они — древние гоминиды, охотники и собиратели.

Впрочем, уже на следующий день никаких подобных симптомов у неё больше не было.

Оставшееся молоко друзья отдали телёнку. Потом они заперли его в пристройке, собрали рюкзаки, уложили всё необходимое на волокушу, надели свои оранжевые комбинезоны и отправились к границе.

Когда они уже подходили к границе, из леса выступили две фигуры. Это были охотники. Они также направлялись в сторону каменных гор. Подойдя ближе, они узнали первого и второго охотников — Инг-Нго-Ву-Ба и Инг-Нго-Ву-Пэ. Троица в оранжевых комбинезонах поприветствовала своих визави установлением подставки для факела и его зажжением. Для пушного эффекта они полили смоляную часть факела небольшим количеством древесного спирта. Факел ярко и эффектно вспыхнул от соприкосновения с углями.

Второй охотник ахнул. Первый тоже выглядел впечатлённым.

Они начали переговоры. Вскоре выяснилось, что старейшине и Мимбивике в этот раз ничего от них не требовалось, поэтому они не пришли лично. Зато второй охотник, как оказалось, тоже хотел получить сосуд. Он также предложил отдать им свою часть пойманного им животного в обмен.

Первый же охотник всё ещё показывал на факел.

— Нет, — решил Николай, — пока не стоит им давать. Факела хватит на один час при постоянном горении. Потом его надо будет наполнить. Им этого пока не объяснить... Да и незачем.

Он взял один из узелков с волокуши, где были сушёные кусочки тыквы, и предложил первому попробовать. Тот не решался, но потом, когда все трое взяли из узелка по одному кусочку и зажевали, он тоже взял.

Вкус был сладковатым, и первому понравилось.

"Хорошо", — показал он жестом.

Николай завёл тему про соль. Амавоса подсказывала, если возникало непонимание.

«Нам нужно вот столько соляных камней, и мы дадим тебе вот столько тыквы».

Первый сперва задумался. Но потом, видимо, поняв, что задание несложное — он знал, где найти соляные камни, — подтвердил своё согласие соответствующим жестом.

На том и договорились. Охотники ушли, а троица в оранжевом начала обустриваться на своём месте.

— Эх, хорошо бы, если бы они сегодня же вернулись с солью и с мясом... Наш телёнок там один...

— Да, думаю, если они задержатся, кому-то из нас придётся пойти и проведать его.

Они развели костёр и решили перекусить. Принадлежности для похлёбки были с собой, как и сухое питание. Но сухое питание им приходилось есть достаточно часто, и в этот раз они хотели похлёбку из свежей рыбы, заправленную семенами и овощами.

Незаметно прошёл час. Охотников не было. Николай не был уверен, что договорённость сработает. Было ощущение, что в племени эректусов разлад. Дети не появлялись. Пожилые люди их игнорировали. Но охотники к ним вышли.

По прошествии ещё получаса из леса появился второй охотник. На его плече была часть добычи — большой кусок мяса с задней ноги животного. Друзья сомневались, что он мог управиться с животным так быстро. Скорее всего, туша уже была добыта ранее.

Видар посмотрел на принесённое мясо и нахмурился.

— Это всё?

Николай устало вздохнул, а Видар продолжил:

— У нас большой целый сосуд.

Николай понимал, что Видар прав. Но делить сосуд или дальше терять время на разговоры он не хотел.

В этот момент раздался голос Амавосы:

— Инг-Нго-Ву-Ба.

Все трое и второй охотник обернулись и рассмотрели вдали силуэт первого охотника, идущего к ним и что-то несущего. Николай понял, что сделка по соли, скорее всего, уже решена, и ему захотелось быстро всё решить со вторым охотником. Обмен был бы равносильным, если бы он принёс ещё столько же мяса. Он объяснил это охотнику.

Но тот сказал, что у него больше нет, другое принадлежит племени.

Тогда Николай решил, что сейчас им не нужно много мяса и он мог бы принести остальное потом. Он стал пытаться объяснить это охотнику. Но тот не понимал. Амавоса подошла и звуками уже пыталась объяснить Николаю то, что тот и сам понял. Второй охотник спрашивал, что он получит за второй кусок мяса в следующий раз. Он не понимал, что это долг.

Видар, всё это время наблюдавший за всем со стороны, выдал из себя воздух и сказал:

— Как же тяжело с ними бывает...

Николаю эти объяснения стали надоедать. Сначала он подумал, что охотник хитрит. Но потом понял, что Амавоса тоже не совсем поняла, что он имеет в виду, и решил предложить второму охотнику кусочки тыквы в следующий раз. Тот попросил показать. Сначала он смотрел на них. Потом первый охотник, который уже стоял рядом, сказал:

« Хорошо.»

Тот попробовал и повторил:

« Хорошо. ».

Что, впрочем, означало следующую сделку.

Видар был недоволен тем, что «примитивные дикари их снова обманули», но не стал дальше упорствовать. Ему тоже хотелось поскорее уйти домой.

С первым охотником всё прошло гладко. Он принёс много соляных камней, даже больше, чем они ожидали. Николай внимательно осмотрел их, поскрёб пальцем и попробовал на вкус. Это было именно то, что им было нужно. Они положили камни на волокушу. Взамен он передал охотнику небольшой свёрток с кусочками сушёной тыквы. Охотник взвесил его в руке, посмотрел на Николая и Амавосу, затем выразил жест согласия. Они разошлись без лишних слов. Охотники вернулись в сторону своего племени. А трое в оранжевых комбинезонах потянули волокушу обратно к дому.

Дорога, слава Богу, обошлась без происшествий.

Следующие несколько дней прошли спокойно, друзья были полностью заняты работой.

Сено потребовало больше времени, чем они сначала думали. Подходящей травы не оставалось вблизи и им с каждым разом приходилось ходить на большие расстояния. Каждый день они выходили срезать траву, раскладывали её сушиться и переносили под навесы. Они проверяли, чтобы она не отсыревала снизу и не намокала сверху.

К концу недели они закончили. Под простыми навесами лежало несколько больших куч сухого сена. Это не было огромным запасом, но для одного телёнка должно было хватить.

— Главное, что успели до холодов, — сказал Николай, оглядывая работу. — Если бы снег пришёл раньше, было бы намного сложнее.

Телёнок всё это время постепенно привыкал к ним. Но возникла другая проблема.

Однажды утром Николай остановился у входа и посмотрел на дурно пахнущую лепёшку.

— Вот об этом я как-то не подумал...

Видар подошёл ближе и посмотрел вниз.

— Уфф... какая вонь, но ничего в этом странного.

— Конечно, этого следовало ожидать... Но он же до этого делал это во время прогулок?

— Он растёт и много ест... Да и, наверное, просто расслабился и привык к этому месту.

Они переглянулись. Ничего странного в этом, конечно, не было, просто было очень неприятно. Строить для него отдельный сарай в то время, когда уже ночью были заморозки и вот-вот должен был выпасть снег им не хотелось....

— Надо присмотреться к нему и, может быть, поймём, в какой ситуации и когда он обычно это делает, — предположил Николай.

Они очистили пристройку и начали наблюдать за телёнком. Через несколько дней они уже поняли его привычки.

Телёнок чаще всего делал это после еды и после долгого лежания.

— Значит, просто нужно выпускать его вовремя, — сказал Николай.

Так появилась новая обязанность. Поскольку Амавосо находилась рядом, а телёнок жил в её части дома, именно ей чаще всего приходилось этим заниматься. Женщина-эректус начала воспринимать животное не как добычу или чужого детёныша, а как живое существо рядом с ними. Она общалась с ним своими жестами, приносила ему траву, сидела рядом, когда он отдыхал. Иногда она просто клала руку ему на шею и гладила его.

Телёнок уже не отходил от неё. Он мог сначала поднять голову, когда она подходила, но потом спокойно опускал её и позволял ей сидеть рядом.

Когда основные работы закончились, они занялись запасами. В холодном помещении под домом они пересчитали всё, что у них осталось.

У них было сорок тыкв, почти сто больших головок подсолнечника, небольшое количество семян льна и немного семян киноа, которое Видар пока считал только экспериментом.

— Не так мало для второго года, если вспомнить о том, сколько побегов мы потеряли, — сказал как-то он..

Николай взял одну тыкву и постучал по ней.

— По-моему, их много. Мы начали почти с ничего. Только представь, сколько мы можем получить на третий год?

Они подсчитали приблизительное количество семян подсолнечника.

Тысячи семян были собраны с этих растений.

— На следующий год понадобится намного больше места для посадок... Как думаешь?

— Да, но большей частью для тыкв и льна... Может быть, киноа тоже.

— Почему не подсолнечник?

— Его тоже посадим, но не так много. Он забирает много полезного из земли. Посадим его вокруг дома, вдоль каменной оградки. Ты, Николай, сам же хотел сделать вокруг красиво. С эстетической точки зрения, цветки подсолнечника красивые и добавят внешнего позитива нашему жилищу.

— Тебе виднее, — не стал возражать Николай.

Но потом улыбнулся и добавил.

— Вообще ты прав. Они могут стать украшением нашего двора следующим летом.

Когда разговор дошёл до льна, Николай объяснил Амавосе, что семена — это только часть растения:

— Из этого можно получить масло, если собрать много. А из стеблей — волокно.

Он показал на одежду.

— Нити. Ткань.

Амавоса долго смотрела на растение, будто пытаясь представить себе такую возможность. После чего повернулась и ткнула в их одежду.

«Это не животное. Это растение?» — задала она вопрос жестами.

«Да, только не из этого, а из другого. Такого у нас нет», — красиво приврал Николай.

Семена киноа пока решили просто собрать и оставить большую часть до следующей посадки.

— Теоретически, — говорил Видар, — если перемолоть их, можно сделать что-то вроде лепёшек.

Николай поднял брови и снова посмотрел на небольшой мешочек с семенами киноа.

— А сейчас?

Видар пожал плечами.

— У нас их мало. Надо отложить на следующий год.

Потом он улыбнулся и добавил:

— Но немного каши мы из них сделаем.

Такой расклад их устраивал.

Холод наступил в конце октября. Ночи стали заметно длиннее, каждое утро земля покрывалась инеем.

Они ещё раз проверили и укрепили пристройку. Стены давали защиту от ветра. На полу лежал толстый слой сухой подстилки. Рядом были приготовлены небольшие запасы сена. Основные запасы держали снаружи, под укрытием сверху и снизу.

Телёнок к ним привык и даже немного подрос. На прогулку его по-прежнему выводили. Шерсть на нём уже отросла, и он достаточно спокойно чувствовал себя на холоде.

— Ему не нужно такое тёплое укрытие, как и нам, — задумчиво сказал Николай. — Как думаешь, Видар, сможем на следующий год построить для него отдельное стойло?

— Придётся, — после короткой паузы ответил его друг. — Он, конечно, приспособлен к холодам. Но отдельное стойло для него нужно будет построить ещё и потому, что он станет слишком большим и переломает нам тут всё.

— И это тоже, — согласился Николай.

Их жизнь изменилась в спокойную сторону. Они меньше выходили далеко от дома и больше времени проводили внутри. Вечерами они готовили еду, сушили остатки продуктов, перебирали семена и разговаривали.

Жареные семечки подсолнечника были отличной повседневной закуской. Они давали им недостающую энергию в течение дня. Николай и Видар стали снова ощущать нехватку умственной нагрузки и снова вернулись к языковым занятиям.

Амавосо стала часто улыбаться, произнося своё имя. Чувствовалось, что она была довольна тем, как они подготовились к зиме. Повседневные закуски — семечки и кусочки сушёной тыквы — также сильно поднимали ей настроение. Каждый раз она смотрела на друзей и подтверждала сладкий вкус тыквы привычным жестом:

«Хорошо»

Большую часть времени она проводила в своей части дома, рядом с телёнком, и там же обычно ночевала. Но иногда оставалась на ночь в той части дома, где спали Николай и Видар. Такое случалось после долгих посиделок и общения. Друзья рассказывали ей о вещах, о которых она не знала, и о своих планах. Она понемногу рассказывала о своём племени. К сожалению, она мало знала об истории своего племени. Живя в нём, она была поглощена повседневной работой.

В эти дни настроение у всех было если не хорошее, то очень оптимистичное. Этой зимой им не придётся голодать.

У них был дом, еда, огонь, телёнок. Будущее больше не висело над ними, как неизбежная угроза.

Глава 7

Среда, 18 января 2062 года, 16:30 (GET)

$\Delta T + 575$ дней

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

Наступил их второй день рождения в новом мире. Как и в прошлый раз, они решили отметить этот день, накрыв праздничный стол. Амавосо была удивлена щепетильностью и тщательной подготовкой, уборкой, мытьём. Переодеванием в одежду, которого она раньше не видела. Кое-как удалось ей объяснить, что таким образом они встречают новый год. Да, просто новый год. Это объяснение было более-менее понятно Амавосо, и она больше ничего не спрашивала. Ей тоже предложили сменить шкуры, и Николай дал ей для этого случая одну из своих футболок. На ощупь она была мягкой. Амавосо, благодаря более низкому росту и более скромной комплекции, в ней утонула. Но она ей понравилась. В доме была натоплена печь, было жарко, и одежда ей пришлась по вкусу.

На столе были вкусняшки. Соусы из молотых зерен, лука и соли. Мочёные ягоды. Свежевыловленная и запечённая форель. Мясо пойманного ранее в ловушку зайца. Солонина разных сортов. Овощные закрутки и даже тыквенные пирожки. Вместе с перекрученными семенами киноа получились вполне неплохие оладьи, зажаренные на мясном жире. И самым главным ко всему этому была выпивка! Ради этого они открыли одну из тех двух бутылок вина, что нашли после перемещения. Это была литровая бутылка полусладкого грузинского вина «Мильдиани Пиросмани» урожая 2058 года. Оба друга, в обычной жизни относившиеся негативно к алкоголю, смотрели на эту бутылку с плохо скрываемым предвкушением. Это было не просто вино, а кусочек их прежнего мира. Но оно было не единственным. Рядом с ним стояла другая бутылка. В ней была ягодная наливка, приготовленная Видаром. Её красиво перелили в пустую бутылку от коньяка с прошлого раза и закрыли деревянной пробкой.

Николай достал три пакетика чёрного чая. Глаза Видара расширились. Кофе у них было, но чай закончился. Николай припрятал свою часть.

— Это потом, после еды, — подмигнул ему Николай.

— Сколько у тебя пакетиков? — спросил Видар.

— Только эти.

— Что-то с трудом верится.

— Это правда.

Все трое смотрели на стол, и Николай вдруг сказал:

— Твои часы зарядились на два процента в последний раз, но мы их так и не задействовали. Может быть, мы их откроем?..

— Для чего?.. А... кажется, догадываюсь. Ты хочешь сделать селфи. Это убьёт эти два процента, и потом мы не сможем их зарядить до следующего лета.

— Да, наверное. Но такой момент... — выдохнул Николай.

Видар, недолго думая, махнул рукой, достал из своего шкафчика часы и протянул их Николаю.

— Ты прав. Жизнь — это не только вечная борьба. Хочется запечатлеть и приятные моменты.

Николай нажал на кнопку, и часы проснулись. Амавосо с непониманием уставилась на это. Видар сразу среагировал.

— Нашли. Сделано из того, чего у нас нет.

На часах оставался один процент. Николай быстро включил камеру и, привстав, постарался захватить всех троих в селфи. Видар неожиданно решил даже приобнять Амавосу, на что та удивилась не меньше, чем самому существованию непонятного ей гаджета.

«Улыбаться и смотреть сюда», — сказал Николай жестами.

Экран мигнул, и шикарное селфи с тремя людьми на фоне праздничного стола запечатлелось в памяти гаджета. Николай поспешил открыть и спроецировать фотографию за счёт остающегося заряда. Но его не хватило. Часы погасли.

— Ничего. Зарядим нормально — будем любоваться им, — подбодрил его Видар.

Они приступили к еде. Амавоса научилась пользоваться деревянными ложками и вилками. Она вместе с друзьями ела суп. Мясо они, не особо выкобениваясь, отрывали руками и клали себе на тарелки. Видар наслаждался. Он брал всего разного понемногу, смешивал в определённой последовательности. Николай, который сам просто ел всего понемногу, умилялся стараниям Видара в создании вкусовой гаммы. Амавоса смотрела на всё это серьёзно и пыталась повторять за Видаром все его манипуляции. Это выглядело забавно. Она смешивала всё, только в совсем неправильной пропорции, но съедала и даже повторяла за Видаром его выражение лица, то, как он закатывал глаза и подкручивал пальцами петли вокруг своей головы, которые символизировали симфонию вкуса.

В какой-то момент Николай засмеялся от всего этого и потом просто сказал Амавосе:

— Ешь как всегда.

Когда речь дошла до вина, налили и Амавосе. Находясь так долго с друзьями, она уже мало чему удивлялась и просто выпила свою долю так же быстро, как это сделал Николай. Видар же не торопился, смаковал маленькими глоточками, вертел бокал и смотрел, как вино переливается в свете от окна.

То, о чём друзья не подумали, — это то, что Амавосе, возможно, было совсем непривычно употреблять алкоголь. Она быстро развеселилась и стала позволять себе задавать друзьям вопросы о них. То, чего она себе раньше не позволяла. В том числе: кто вождь — Николай или Видар, чья она женщина, будет ли церемония. «Второй охотник — дурак. Старик в племени эректусов — дурак. Его сын — дурак. Мимбивика — ничего не делает». И так далее.

Она говорила уже покачиваясь, и друзья стали догадываться, что в её организме, скорее всего, плохо работают механизмы переработки алкоголя.

Николай дал ей кусок рыбы пожирнее и сказал съесть. Она это сделала. Потом потянулась сама за куском, чтобы положить Николаю, но потеряла равновесие и соскользнула со стула.

— Так, видимо, для неё стакан современного вина — это убойная доза, — сказал он Видару.

— Амавоса. Отдыхать. Здесь, — показал он на свою кровать. Она стояла рядом с местом её падения.

— Амавоса. Отдыхать. Ни-Ко-Ай, — сказала та и плюхнулась на его лежанку.

— Да уж... Мы тут опять просчитались. Не стало бы ей совсем плохо... — с беспокойством сказал Видар.

— Да, надеюсь, ничего... Она вроде бы уже замолчала и спит.

— Она проглотила полбрюха форели. Жирок должен помочь с алкоголем.

Амавоса медленно посапывала в привычной ей манере. Друзья надеялись, что всё обойдётся.

Когда она уже крепко спала, друзья ещё долго сидели за столом. Они допили современное вино, а после этого смаковали ягодную наливку.

— А это тоже ничего так... Сладкое вышло, — говорил Николай.

— А что я говорил? Не из-за алкоголя как такового, а из-за сладости и лёгкой кислинки, нам стоит продолжать этим заниматься.

Они смаковали напиток и разговаривали. В какой-то момент речь зашла о телёнке.

— Видел в последний раз, как мы цепляли к нему волокушу? — говорил довольный Видар. — Он протащил её всю прогулку и даже не пытался выпутаться! Если продолжать понемногу, через год сможет перевозить небольшие грузы.

— Да, видел из окна. Нам повезло с ним. У него покладистый нрав.

— Только представь, когда он станет взрослым, то вполне сможет потянуть настоящую повозку!

— Хотелось бы... Но нам ещё предстоит придумать хорошие колёса. Да и дороги у нас тут... Сам видишь.

— Думаешь, не получится с тем колесом на подшипниках? Если наполнить шину опилками?

— Получится. Но это будет уже не та повозка для перевозки нас и больших грузов. Всё-таки лучше два больших деревянных колеса.

— А как же наш план с поддерживающими роликами?

— Тут, на неровных поверхностях, это так себе. Лучше два больших колеса и придумать что-нибудь, что будет выполнять функцию рессоры.

Некоторое время они обсуждали возможную конструкцию. Николай рисовал пальцем на столе ось, колёса и кузов. Пока всё это оставалось только планами. От конструкции телеги разговор плавно перешел на планирование самой экспедиции.

От конструкции телеги разговор плавно перешел на планирование самой экспедиции.

— Через год или два надо идти на юг, — сказал Николай. — Искать новые виды пшеницы, ячменя... Всё, что удастся найти.

— И место для будущего поселения, — добавил Видар. — Здесь мы много не вырастим. Долина слишком маленькая. Если когда-нибудь людей станет больше, нужны будут широкие равнины и большие поля.

Николай молча кивнул.

За окном уже давно стемнело. Печь приятно потрескивала, а в доме было тепло и спокойно. Этот день рождения получился именно таким, каким они оба хотели его запомнить.

После дня рождения жизнь снова вошла в привычный ритм. Амавосо пережила свой первый опыт с алкоголем и на следующий день возилась с неприятным сюрпризом от телёнка. За празднованием они это упустили.

День за днём они занимались одними и теми же делами. Заготавливали дрова, следили за огнём, чинили одежду, перебирали запасы, проверяли ловушки и время от времени спускались к реке за рыбой.

Однако уже к концу февраля друзья поняли, что осенью всё же ошиблись в своих расчётах. Первые месяцы зимы они позволяли себе есть немного больше, чем следовало. После нескольких лет постоянной нехватки пищи было трудно сразу привыкнуть к мысли, что теперь её нужно расходовать осторожнее.

Пришлось пересмотреть привычки. Они уменьшили порции. Но по сравнению с прошлым годом они всё же оставались большими, и недостатка в калориях они не испытывали. Мясо ели вечером, тыквы берегли. Даже жареные семечки подсолнечника, которыми они так любили перекусывать зимой, стали доставать реже.

Николай с Видаром сделали для себя вывод, что следующий урожай должен быть значительно больше.

Зато телёнок чувствовал себя превосходно. За зиму он заметно вырос, почти вдвое прибавив в весе. Его густая шерсть стала ещё длиннее, и холода он переносил без всяких трудностей. Почти каждый день они выводили его на прогулку, а Видар понемногу приучал его тянуть лёгкую волокушу. Телёнок не пытался избавиться от ремней и спокойно проходил с ней весь путь до дома.

— Ещё год, и будет настоящий помощник, — с удовлетворением говорил Видар.

Всё чаще они возвращались к разговору о том, что осенью придётся строить для него отдельное стойло.

Николай каждый раз произносил слово медленно:

— Стой-ло.

Видар иногда говорил по-шведски:

— Stall.

Амавосу внимательно слушала их обоих, потом улыбалась и уверенно произносила:

— Сай.

Друзья приняли её версию и сами стали называть будущее стойло «сай». Каждый раз после этого Амавосу довольно улыбалась, словно была уверена, что именно её слово оказалось самым правильным.

Дни становились длиннее. Снег начал оседать, а на солнечных склонах всё чаще показывалась прошлогодняя трава. Днём уже пахло весной, хотя по ночам морозы ещё крепко держались.

К началу апреля они всё чаще думали уже не о зиме, а о предстоящих работах. Нужно было готовить новые грядки, ремонтировать ограждения, проверять прошлогодние посадки и надеяться, что земля снова даст им хороший урожай. Никто из них тогда ещё не знал, что совсем скоро их планы окажутся не самой большой проблемой.

В начале апреля лёд на реке уже начал отходить от берегов. Днём солнце пригревало всё сильнее, и друзья решили, что пора снова чаще выходить дальше от дома.

Они собирались спуститься к реке втроем. Заодно хотели взять телёнка с собой. Для него это была бы хорошая тренировка — больше движения, новые запахи и постепенное привыкание к более дальним прогулкам. Видар уже проверял ремни на волокуше, когда заметил, что Амавосу не двигается. Она стояла возле дома и смотрела в сторону старого поселения своего племени.

Николай сначала не обратил на это внимания.

— Амавосу?

Она не ответила.

Через несколько секунд она подняла руку и показала на тонкий столб дыма вдали. Потом посмотрела на солнце, на небо и снова на дым. В её лице что-то изменилось.

— Что-то не так? — спросил Николай.

Амавосу покачала головой. Потом показала несколько жестов, которые они уже знали: время, ожидание, снова дым.

Она попыталась объяснить.

«Слишком много. Слишком рано.»

— Она говорит, что для этого времени слишком много дыма?

Николай посмотрел в сторону поселения.

Теперь он тоже заметил, что дым поднимался не одним тонким столбом, как обычно.

Его было больше.

— Может, что-то готовят?

Амавосу резко посмотрела на него и снова покачала головой.

"Сейчас. Нет. Костёр. Это не так."

Она была уверена. Друзья переглянулись и быстро приняли решение.

Телёнка они решили оставить дома. Если что-то случилось, лучше было сначала посмотреть самим. Амавосу схватилась за копьё, Николай и Видар посмотрели друг на друга и тоже взяли свои. Видар зачем-то даже схватил современный молоток. Все трое направились вниз к реке.

Они шли быстро, почти не разговаривая. Чем ближе они спускались, тем настороженнее становилась Амавосу. Дыма было много.

И вдруг они услышали крик.

Амавоса остановилась. Её лицо изменилось.

"Девочка... Это А-а", — сказала она.

Теперь Николай и Видар тоже слышали. Крик повторился. Они ускорили шаг.

Через несколько секунд до них донёсся ещё один звук.

— Амавосэ! — вырвалось из уст Амавосы.

Они выбежали из-за деревьев и увидели ужасающую картину. Молодая девушка Амавосэ лежала на земле, придавленная коленом нависшего над ней незнакомого эректус-мужчины. Одной рукой он держал её за волосы, другой рукой выкручивал руки. На её ногах была кровь.

Высоко на дереве кричала девочка А-а. К ней подбирался другой незнакомый эректус-мужчина. Он забрался уже высоко и был в нескольких метрах от неё.

Девочка, девушка — обе оказались здесь, преследуемые этими чужими людьми. И теперь эти люди что-то хотели с ними сделать...

Часть 2 Племя Яркого Пламени

Глава 1

Пятница, 4 апреля 2062 года, 10:30 (GET)

$\Delta T + 651$ день

Оценочное смещение: ~1 000 000 лет до референтной эпохи

Все трое замерли от неожиданности и шока от увиденного. В какой-то момент на лице Амавосы будто бы отразился страх, но потом оно начало меняться и стало багровым от прилива крови. Она среагировала первой.

— А-а... — тихо сказала она.

Девочка на дереве снова закричала. Незнакомый мужчина-эректус уже почти добрался до неё. Он цеплялся руками за ветки и медленно поднимался выше. Амавоса сняла копье с плеча. Николай стоял рядом, но, ещё пребывая в оцепенении, даже не успел понять, что она собирается делать. Раздался короткий свист. Брошенное Амавосой копье ударило в цель. Мужчина на дереве дёрнулся, потерял равновесие и рухнул вниз. Девочка снова закричала. Николай отошёл от оцепенения и дёрнул Видара:

— Мы должны что-то сделать... Он убьёт её...

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.